

Юрий Леонидович Харин

Смотрины

Мелодрама для взрослых из жизни современного города

Действующие лица и их краткая характеристика.

Глеб Михайлович Семечкин. Преуспевающий молодой бизнесмен.

Эльвира Павловна. Хозяйка брачного агентства.

Евгения. Сотрудница брачного агентства.

Вика. Сослуживица Евгении по агентству.

Роман. Молодой человек Вики.

Клавдия. Девушка-простолюдинка.

Стелла. Гламурная девушка.

Действие 1.

Антрактовый занавес закрыт. На авансцену выходит хорошо и модно одетый Глеб с букетом в руках. Он достает мобильный телефон, набирает номер, прикладывает телефон к уху.

ГЛЕБ. Алло! Виталий? Это Глеб. Ну, что, деньги нашел или нет? А это меня не колышит! Чтоб завтра с утра они были у меня! Если денег не увижу — тогда тебе будет полный ВЛКСМ! Что такое ВЛКСМ? А это вот что — «Возьми Лопату, Копай Себе Могилу»! Все, я закончил! *(Отключается от разговора, набирает другой номер.)* Как говорится, не везет в деньгах — повезет в любви. *(Прикладывает телефон к уху.)* Привет, малыш... Да, сейчас поеду, вот букет цветов прикупил. Да ничего не случилось. Нет, никакого праздника нет. Да причем тут изменил?! Да с какой еще дурой Ленкой?! Да ты сама дура!! *(В сердцах отключает телефон.)* Ну, что за дела, а? Испоганила настроение вконец! Эх, чтобы такого сделать плохого?

При последних фразах Глеба на авансцене появляется Эльвира Павловна. Она поначалу намеревается пройти мимо Глеба, но чуть задерживается и внимательно смотрит на него.

Закончив монолог, Глеб оглядывается по сторонам в поисках места, куда можно было бы бросить букет.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Что, всё действительно так плохо?

ГЛЕБ. Плохо — это когда тебя запаковывают в чёрный непрозрачный пластиковый пакет. А всё остальное просто отлично. *(Протягивает букет Эльвире Павловне.)* Отдам-ка я это лучше вам. Все какая-то польза.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. По принципу «Не пропадать же добру»?

ГЛЕБ. А хотя бы и так. Цветы должны быть украшением красивой женщины, а не урны.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА *(принимая цветы).* Ладно, пусть будет по-вашему. Кстати, красивая женщина ни в каких украшениях не нуждается.

ГЛЕБ. Эх... странная штука жизнь... вот только начинаешь привыкать к человеку... а он рррраз... и полное чмо оказывается! Вот вы, как я вижу, женщина умная, ответьте мне: почему так получается?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Странные вы, мужчины... Спрашиваете какие-то глупости... Ждете какую-то правду... Единственное, что я могу посоветовать — поскорее забудьте ее.

ГЛЕБ. Да забыл уже. Была — и нет. В адронный коллайдер ее! Выгоню ее на хрен, раскидаю дела, возьму друзей повеселее, барышень каких-нибудь симпатичных и свалю в другую географию. Только надо бы по быстрому найти замену этой дуре. И непременно самую лучшую и самую красивую. Единственный вопрос — где ее найти в сжатые сроки.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Думаю, что смогу вам в этом помочь. У меня свое элитное брачное агентство. *(Достает визитную карточку, протягивает ее Глебу.)* Вот, завтра и приходите. Подыщу вам что-нибудь подходящее.

ГЛЕБ *(беря визитную карточку).* Что ж, можно попробовать. Дела кое-какие улажу и загляну на огонек.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Во сколько вас ждать?

ГЛЕБ. За точное время не ручаюсь. Но навещу непременно. Ориентировочно в середине дня.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Вот и славно. Жду. А за цветы спасибо. *(Уходит.)*

ГЛЕБ *(глядя в визитную карточку).* Брачное агентство «Камасутра». Название не слишком оригинальное. *(Убирает визитную карточку в карман.)* И на обрывках «Камасутры» напишут наши имена... Ладно, завтра с утра деньжата из этого козла выбью и навещу эту «Камасутру», посмотрю что там такое. *(Уходит в противоположную от Эльвиры Павловны сторону, напевает.)* «Ничего на свете лучше нету, чем стрелять в козлов из пистолету. Тем, кто с пушкой, не страшны тревоги, будем жрать омары и миноги, будем жрать омары и миноги... ля-ля-ля-ля-ля-ля...»

Антрактный занавес открывается. Сцена представляет из себя комнату в брачном агентстве. Из мебели в комнате икаф, офисный стол с компьютером, задней частью обращенным к зрительному залу, несколько стульев у стола и в разных частях комнаты.

На стуле у стола сидит Вика, положив руки на стол, а голову на руки. Она спит.

Входит Эльвира Павловна, останавливается неподалеку и с иронией смотрит на Вику. Та продолжает спать. Эльвире Павловне это надоедает и она начинает будить Вику.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Вика, проснись.

ВИКА *(все еще лежа головой на руках).* Эээ... Мммм... я... эээ... мм...

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Вика! Ну, хватит спать. Уже обед скоро. А ты все спишь.

ВИКА. Хррр... Мммм... Хррр... Мммм...

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Викочка! Ну, пожалуйста. У нас сегодня много дел.

ВИКА. Хррр... Мммм... Эээ... Хррр...

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА *(теряя терпение).* Виктория! Я понимаю, что вчера у тебя был день рождения и все такое. Но уже точно хватит.

ВИКА: Ааа... Ну, еще 5 минуточек... Хррр...

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Так. Спать лицом на клавиатуре вредно для макияжа. Вика, у тебя тушь потекла!

ВИКА *(быстро поднимая голову, все еще не проснувшись как следует, озабоченно).* Ой, тушь потекла?! *(Впопыхах достает зеркальце из сумочки, смотрится в него, зевает.)* И ничего не потекла. *(Спохватывается.)* Ой, Эльвира Павловна, доброе утро!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА *(с усмешкой).* Утро... Ничего себе утро... Уж полдень близится.

ВИКА *(зевая и потягиваясь).* А премии все нет.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Какая премия при такой работе? Вика, ты извини, конечно, но я хочу задать тебе один неприятный вопрос...

ВИКА. Как на личном фронте?.. Несём тяжёлые потери.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Да нет, я не об этом хотела спросить, хотя... как-то странно, что Ромы не было на твоём дне рождения... впрочем, это ваши дела...

ВИКА. Вот скажите, Эльвира Павловна, а у вас тоже так: ждешь, ждешь мужика с работы, думаешь — вот придет он и скажет: милая, любимая, как сильно я соскучился! А он приходит и говорит: «Почему обед не вижу? Где моя выплаженная рубашка?» И ложится на диван смотреть телик, пока ты на кухне корячишься.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Это, конечно, не мое дело, но мне кажется, что он, все-таки, тебя любит. А ты его?

ВИКА. Ну, да, я... Тот, кого ты любишь и тот, кто любит тебя редко бывают одним и тем же человеком. Впрочем, я не думаю, что вы меня поймете.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Почему это?

ВИКА. Да потому что вы женщина правильная, у вас наверняка все по-другому.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Да уж, правильная... До того правильной, до того разумная, до того высококонравственная, что иногда хочется влить в себя бутылку коньяка и посмотреть, что получится!

ВИКА. Ну и что мешает?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ничего. Как-то сижу дома, подумываю над смыслом жизни, готовлю себе на кухне щи... в общем, ужас. За окном осень, дождик хреначит не переставая. Чо делать, куды беч... Ну и решила... Позвонила подругам, устроили мы девичник, потом зарулили все вместе в ночной клуб. Накатили виски с колой и...

ВИКА. И?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА (*машет рукой*). Ааа, ничего особенного. В клубе была ретро вечеринка, и я поняла, что я тоже ретро. Так что просто поехала домой спать.

ВИКА. Я одно поняла: нельзя привязываться к одному человеку, потому как что у тебя останется, если он уйдёт? Надо просто выбросить его из головы. Надо просто выбросить его из головы. Его. Из головы. (*Вздыхает.*) Проще выбросить голову, по-моему...

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ты молодая, у тебя еще все впереди... Будут у тебя по-настоящему нужные мужчины, будут.

ВИКА. А у меня уже есть два по-настоящему нужных мужчины - папа и программист. Так что на Ромку мне наплевать. Надо, по крайней мере, заставить себя так думать. Это ж какой сволочью надо быть, чтоб меня не любить! Ну, и где справедливость, спрашивается?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. В словаре на букву «С». А вообще-то, по-моему, он у тебя парень неплохой.

ВИКА: Да знаю я! Сама накосячила, сама виновата, сама убиваюсь... какая же я, черт возьми, самостоятельная! Мне так дерьмово... нет-нет... мне хорошо...

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Знаешь, вот что я тебе скажу: женщины ссорятся только с теми, с кем потом хотят помириться... И вообще — лучший способ от всего этого отвлечься — заняться работой. Кстати, ты сделала то, что я тебя вчера просила?

ВИКА. Ну... ээээ... значит, это... я...

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Кроме «ну» и «значит» сказать еще что-то можешь? Прости, я все понимаю. Личные проблемы и все такое. Но работа есть работа. Итак, что ты сегодня сделала?

ВИКА. Ну почему вы меня в чем-то таком подозреваете?! Чуть что — я виновата!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Я просто спросила, что ты сделала сегодня.

ВИКА. Ну... Пришла на работу, включила компьютер, вычистила из почты всех, кто хочет заплатить нам десять миллионов долларов...

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. И дальше что?

ВИКА. Дальше?.. Три пирожка съела, в туалет ходила...

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Дааа... из тебя вышел бы прекрасный преступник.

ВИКА. Почему это?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ты не оставляешь никаких следов своей деятельности. Кстати, а Женя где?

ВИКА. Звонила, что задерживается.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Да уж скоро обед! Хороши работнички, ничего не скажешь! Как ты там говорила? Всё хорошо, всё хорошо, всё хорошо... Ладно, буду сегодня доброй и приветливой, никаких гадостей и цинизма, вы все такие милые, вы все такие милые... чтоб вас всех!

ВИКА. Эльвира Павловна, я все быстро сделаю, вот увидите! Чаю или кофе хотите?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Хочу!

ВИКА. Я шас мигом слетаю!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ладно, чудо пессимистичное, иди и кофейку завари, в самом деле, взбодримся с тобой.

Вика уходит. В комнату влетает запыхавшаяся Евгения.

ЕВГЕНИЯ. Ой, Эльвира Павловна, добрый день!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Вот именно, что день, а должно быть утро! Ты почему опять опоздала на работу?

ЕВГЕНИЯ. Если честно... *(Замолкает.)*

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Знаешь, я не верю ничему, что начинается со слов «если честно». Да, хороши у меня работнички, ничего не скажешь! Одна спит после пьянки, другая просто разгильдяйка. Это что у меня тут — место, где люди приносят мне доход или место для оплачиваемого сна и отдыха?! Ну, что у тебя же на этот раз? Твоя собака закрыла тебя в спальне?

ЕВГЕНИЯ. У меня нет собаки.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Тогда, наверное, тебя задержали...

ЕВГЕНИЯ *(обрадовавшись возможности оправдаться).* Да, да, меня задержали!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Это были кришнаиты? А может инопланетяне? Ну, вот что, милая моя, если в следующий раз ты снова опоздаешь из-за падения метеорита или там снежная буря засыплет тебя по маковку, то не обижайся — мне придется принять какие-нибудь решительные меры, более действенные, чем сегодня.

ЕВГЕНИЯ. Спасибо, Эльвира Павловна!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Значит так: в наказание тебе придется поработать сегодня столько, сколько ты украла у меня денег своим разгильдяйством. Я думаю, что внятно объяснила ситуацию. Ну, все, концерт окончен, пора браться за дело. И попробуй только мне сказать, что я требую невозможного.

ЕВГЕНИЯ *(садясь за стол).* Если честно — я проспала.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА *(с иронией).* А я думала, вы все спите только на работе.

ЕВГЕНИЯ. У меня есть оправдание, Эльвира Павловна.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. И какое же?

ЕВГЕНИЯ. Мне всю ночь снилась наша работа.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. В кошмарных снах?

ЕВГЕНИЯ. В эротических.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ты хорошо подумала о своей зарплате перед тем, как мне хамить?!

ЕВГЕНИЯ. Нет, перед тем, как вам хамить, я подумал о зарплате очень плохо!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Учти: сколько со мной не спорь, а работать все равно придется. Кстати о зарплате. У нас и правда спад клиентов, а от их количества напрямую зависят наши доходы.

Входит Вика.

ВИКА. Женька, привет!

ЕВГЕНИЯ. Привет!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА (*вставая и направляясь к двери*). Давайте работайте. Приду — проверю. (*Выходит из комнаты.*)

ЕВГЕНИЯ. Куда это начальство пошло?

ВИКА. Тихо ты! Может быть, оно прочло мои мысли! А реально, думаю, кофе пошла пить.

ЕВГЕНИЯ. Ну, почему когда ты опаздываешь, начальники приходят на работу до тебя, а когда приходишь вовремя — они приходят после тебя? Представляешь: проспала сегодня на работу, звоню тебе, говорю, что воды нет, иду в ванную — и действительно, воды нет. Все реально сбывается.

ВИКА. В следующий раз говори, что входную дверь деньгами завалило. Чтобы тоже сбылось.

ЕВГЕНИЯ. Ну, как сегодня работа?

ВИКА. Да так себе, фигня всякая снилась кошмарная о том, что я заснула на работе. Кстати, я реально заснула, а эта очковая кобра как раз и пришла. Ну, слово за слово — дошло и до Ромки. Лучше бы не доходило.

ЕВГЕНИЯ. Как у вас с ним?

ВИКА. Ааа... Лучше скажи мне что-нибудь успокаивающее.

ЕВГЕНИЯ. Валерьянка, новопассит...

ВИКА. Да уж, новопассит реально помогает успокоиться...

ЕВГЕНИЯ. Пьешь его?

ВИКА. Не, просто вчера грохнула флакон новопассита об стенку... и знаешь, как-то легче стало... Вот скажи мне — как тут не уйти в депрессию?

ЕВГЕНИЯ. Надо их, там, в депрессии, заранее предупредить, чтобы тебя туда не пускали.

ВИКА. Да, тебе хорошо так рассуждать.

ЕВГЕНИЯ. Это почему же?

ВИКА. У тебя личной жизни нет,

ЕВГЕНИЯ. И не надо мне ее на фиг! Я уже это проходила!

ВИКА. А я вот не переносу одиночества.

ЕВГЕНИЯ. Дурочка, одиночество — это по-настоящему кайфово! Когда ещё побудешь наедине с приличным человеком? Приличного человека в наше время можно

ведь увидеть только в зеркале. Правда это же зеркало успешно отражает все мои попытки казаться красивой.

ВИКА (*машет рукой*). А, не в красоте счастье! Даже если ты самая что ни на есть охренительная, обязательно найдется козел, для которого ты такой не будешь. И в этого козла ты как раз и втрескаешься по уши. Я вот тоже закрыла дверь в свое сердце и написала — «Входа нет!» Но пришла эта дурацкая любовь и сказала: «А мне по фигу — я читать не умею». Вот и маюсь как дура.

ЕВГЕНИЯ. Да уж, в жизни человека может быть две беды: одна не получить того что хочешь, а вторая — получить. И там и там — полная хрень.

ВИКА. И что делать?

ЕВГЕНИЯ. А черт его знает! Может, по новой замуж выйти, бросить работу, сидеть дома, готовить жратву, стирать, убирать, пыль там смахивать, полы мыть... и так каждый день... каждый день... каждый день... неее, на фиг! Даром мне это не надо! Тут на днях прошлое как раз позвонило. Сказало, что соскучилось.

ВИКА. Ну а ты? Он ведь вроде ничего у тебя был. Можно даже сказать — хороший малый.

ЕВГЕНИЯ. Хороших бывших не бывает — были бы хорошими — не были бы бывшими. Хотя... если честно — трудно забыть не самого человека, а ту мечту, которую он тебе подарил, а ты поверила как последняя идиотка.

ВИКА. Так значит, вы с ним общаетесь?

ЕВГЕНИЯ. И очень даже удачно. Территориальная отдаленность — вот секрет удачного общения с бывшим мужем.

ВИКА. А я уж подумала, что вы с ним снова...

ЕВГЕНИЯ. Боже упаси! После него мне даже резиновый мужик стал интересен как личность! Ладно, хватит об этом. Если я когда-нибудь еще раз вспомню о нём, прошу — ударь меня больно тапком по башке. Господи, помоги мне прожить без идеалов!

ВИКА. Да, ты права: любовь это чистый геморрой.

ЕВГЕНИЯ. Да какой это геморрой! Геморрой — лечится... Знаешь, пока нет большого счастья, может, поищем маленькие радости жизни? Можно похавать чего-нибудь, например. Я вот вчера не выдержала приступа тоски и сдалась своим заклятым врагам — пончикам и шоколадкам.

ВИКА. Я бы не отказалась чего-нибудь куснуть.

ЕВГЕНИЯ. Ооо, силы тьмы! Взываю к вам! Услышьте меня! Придите ко мне и сделайте мне сырбургер! А можно и мясбургер, курбургер или рыббургер.

Входит Эльвира Павловна.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Если я отсутствую — это еще не значит, что меня нет. Так, чем вы тут без меня занимались?

ЕВГЕНИЯ. Мечтали о поесть.

ВИКА. Можно сбегать перекусить? Мы быстро.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Если быстро, то давайте.

Вика и Евгения вскакивают и намереваются выйти из комнаты.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Долго не задерживайтесь, а то у меня тут появилась интересная перспективная идея.

ВИКА (*обращаясь к Евгению*). Это верный признак того, что нам предстоит нудная и бестолковая работа.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ты это о чем там?

ВИКА. Это мы о еде, Эльвира Павловна, о еде.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Даю вам полчаса на все кулинарные изыски. Иначе...

Вика и Евгения выбегают из комнаты, не дослушав окончания фразы.

Нет, курсы повышения зарплаты им явно не светят.

Входит модно одетый Глеб.

ГЛЕБ. А вот и я, как и обещал!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. О, это вы. Рада вас видеть. Проходите, проходите, будьте как дома.

Глеб садится на стул с видом хозяина жизни, по-барски располагаясь на нем, закинув ногу на ногу.

ГЛЕБ. Ну, чем порадуете?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА (*беря со стола альбом с анкетами и фотографиями претенденток и вручая его Глебу*). Вот, посмотрите. У нас есть из чего выбрать.

ГЛЕБ. Тут вот какая заковыка. Мне нужна дама с хорошей фамилией.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. А зачем вам это?

ГЛЕБ. Если придется жениться, то пусть она хоть фамилию приличную будет иметь, а то Глеб Михайлович вроде звучит нормально, но вот фамилия у меня — Семечкин... как у гопника, ей-богу! Не солидно. Так, ну что тут у вас? (*Перелистывает страницы альбома.*) Ничего, ничего...

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Уверю вас, что здесь вы обязательно найдете то, что вам нужно.

ГЛЕБ. Не уверен.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Почему? У нас очень большой выбор.

ГЛЕБ (*продолжая перелистывать страницы альбома*). Что-то я сомневаюсь в том, что найду здесь что-то стоящее. В агентствах ведь кто тусуется — засидевшиеся в невестах страхолюдки да провинциальные барышни, охотницы за «папиками» с тугим кошельком.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Возможно, что вы в чем-то и правы, однако я не понимаю, почему это вас раздражает.

ГЛЕБ. Потому что опять будет очередной развод на деньги. Большинство фоток здесь — это выставленные вперед сиськи на фоне дешевых мест отдыха или обтерханных ковров. И почему ни одна не догадалась сфотографироваться на кухне в процессе готовки чего-нить вкусенького? (*Кидает альбом на стол.*) Надоело это все!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Тогда для чего вы сюда пришли?

ГЛЕБ. Скажу прямо: мне девки для эскорта или на пару ночей не нужны — их и без того хватает. Мне бы что-нибудь посуущественнее. Кстати, набитые дуры мне не нужны тоже. Их у меня полно было.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ай кью как у Эйнштейна я вам не гарантирую.

ГЛЕБ: А, может, и вправду плюнуть на серьезные отношения, да поискать какую-нибудь молодую глупышку, которая занимаясь с тобой любовью, не станет нудеть о своей работе, финансовых и семейных проблемах — а просто будет тебя любить. Вот такая у меня мечта миллионера.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Тогда вот вам они. *(Толкает лежащий на столе альбом по направлению к Глебу.)*

ГЛЕБ. Да не хочу я! *(Толкает альбом обратно.)*

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. А, может, попробуете? *(Толкает альбом снова по направлению к Глебу.)*

Эльвира Павловна и Глеб по очереди толкают альбом друг к другу. Наконец Глебу это надоедает, он хватается альбом и кидает его на пол.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Что вы себе позволяете?!

ГЛЕБ. Надоело! Слушайте, а, может, и вправду что-нибудь серьезное мне подыщите, а?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Тогда вам нужна женщина постарше. Кстати, она наверняка обойдется вам много дешевле.

ГЛЕБ. Почему это?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Посудите сами: молоденькая будет стоить вам 10 бокалов Мартини в баре, а женщина постарше будет с вами спать после чашки травяного чая у себя дома. К тому же женщина постарше умеет хорошо готовить. А молоденькая... Она только и знает, что телефон заказа пиццы в заведении за углом.

ГЛЕБ. Тогда я начну прямо с вас.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ничего не выйдет. Во-первых, у меня дети, а во-вторых... во-вторых, я другому отдана и буду век ему вредна.

ГЛЕБ. Ладно, не хотите как хотите. *(Поднимает альбом с пола, нехотя его листает.)* Можете пригласить сюда вот этих? *(Показывает несколько страниц в альбоме.)* Но только по-быстрому, сегодня. А то завтра мне будет некогда.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Это не проблема.

ГЛЕБ. Правда тут есть еще один косяк — деньги.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. У вас проблемы с деньгами?

ГЛЕБ. В известном смысле да.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА *(несколько разочарованно).* Ну, раз у вас нет денег, тогда...

ГЛЕБ. Нет, вы не поняли. Я вполне платежеспособен. Все упирается в то, что как только барышни узнают, что я богат, так сразу начинают разводить меня на бабки. Не представляю, как тут быть.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. А вы сразу не говорите, что богаты. Потом скажете, когда разберетесь в человеке.

ГЛЕБ. Это, конечно, хорошая мысль, но они по одному моему прикиду поймут, что и как. Эх, сменить бы одежду. Да только это уйму времени займет. А мне тратить еще и завтрашний день на все это не с руки — дел невпроворот.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Слушайте, есть идея! У меня здесь есть кое-какая одежда. Переоденетесь, и никто ничего не заподозрит.

ГЛЕБ. Что ж, можно попробовать. *(Встает со стула.)* Ну, где ваши вещички?

Эльвира Павловна подходит к шкафу, открывает его и достает из него несколько предметов женской верхней одежды: брюки, блузки, батники и прочее, складывает все на столе и развешивает на спинках стульев.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Вот, можете примерить.

ГЛЕБ. А это ничего, что я при вас?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Вы шутите? Я что, мужчин, что ли, не видела? Вот вам вешалка для вашей одежды, можете ее повесить в шкаф. А я пока делом займусь. *(Садится за компьютер.)*

Глеб снимает свою верхнюю одежду, аккуратно вешает ее в шкаф. Затем надевает предложенные ему брюки, которые ему в обтяжку. Стоя голый по пояс, он пытается застегнуть молнию на брюках, которая никак не поддается.

ГЛЕБ *(с раздражением).* Черт, никак не застегиваются!

Эльвира Павловна нагибается над столом, чтобы взять ручку из стакана, стоя спиной к Глебу, который в это время все еще пытается застегнуть молнию на брюках. Входят Вика и Евгения.

ВИКА. Ой, извините!

Общее смущение. Вика и Евгения скрываются за дверь. Глеб, наконец, справляется с молнией и застегивает брюки. Берет батник и одевает его.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Черт, плохо как-то выглядит.

ГЛЕБ. Это почему?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Да у вас же вся одежда на женскую сторону застегивается.

ГЛЕБ. А, плевать! Глупый не заметит, умный не скажет. С вашего позволения пойду, покурю. *(Уходит.)*

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА *(выглядывает за дверь и кричит).* Вика, зайди сюда! *(Заходит обратно в комнату.)*

Входит Вика.

ВИКА: Вы меня звали?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Да. У меня к тебе просьба: займи клиента, пока я буду обзванивать дам. Это займет буквально несколько минут.

ВИКА. Ладно. А где он?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Курить пошел. Сейчас я его позову. *(Уходит.)*

Входит Глеб.

ГЛЕБ *(сядась на стул).* Привет, как дела?

ВИКА. Нормалёк! А у вас как?

ГЛЕБ. Тоже не жалуюсь.

ВИКА. У вас пуговицы...

ГЛЕБ. Вот интересно: будь ты кем угодно — гением, художником, да хоть марсианином — мало кто это заметит... А вот если у тебя на рубашке оторвана пуговица, то это заметит каждый...

ВИКА. Да я не об этом, просто у вас пуговицы на рубашке почему-то на женскую сторону застегиваются.

ГЛЕБ. А, это, наверное, рубашка моей... этой...

ВИКА. Жены?..

ГЛЕБ. Ну, не жены, а...

ВИКА. Шлюбовницы?

ГЛЕБ. А вас что, это смущает?

ВИКА. Так вы все-таки женаты?

ГЛЕБ. Ну... эээ... как вам сказать... А вы замужем?

ВИКА. Ну... эээ... как вам сказать...

ГЛЕБ. Значит мы квиты. Правильно будет предположить, что я ищу замену, и вы ищите замену.

ВИКА. Да не ищу я никакую замену, с чего вы взяли?

ГЛЕБ. Это так, гипотеза.

ВИКА. Зарубите себе на носу — я своего мужчину люблю и не собираюсь ему изменять. С первым встречным, по крайней мере.

ГЛЕБ. А все-таки оговорочка чисто по Фрейду. Значит, не с первым встречным измените, да?

ВИКА. Да ни за какие деньги! Запомните — у меня в сердце есть место только для одного человека. И это место занято.

ГЛЕБ. Что ж, позвольте вами нецензурно восхититься. Но помните: в жизни женщины абсолютна неизбежна одна вещь — это разочарование в мужчине.

ВИКА. Ничего я не разочаровалась! Мы просто поцапались. Но я знаю — любимому человеку можно простить ВСЁ.

ГЛЕБ. Вопрос в другом, останется ли он после этого любимым... И человеком. Так что ложь не приносит счастья. Правда, кстати говоря — тоже. Кстати, был в Древней Греции поэт Овидий. Он дал много полезных советов на этот счет.

ВИКА. Например?

ГЛЕБ. Например, он говорил:

«... богиня любви безделью и праздности рада:

Делом займись — тотчас делу уступит любовь...»

ВИКА. Да каким делом?! Никаких дел я делать не могу — все из рук валится.

ГЛЕБ. Тогда еще одно верное средство есть — влюбиться в кого-нибудь другого.

ВИКА. Да в кого влюбиться-то?! В вас, что ли?

ГЛЕБ. А хотя бы и в меня.

ВИКА. Ну, уж нет. Вы не в моем вкусе.

ГЛЕБ. Ну, вы могли бы хотя бы попробовать.

ВИКА. Не хочу я пробовать!

ГЛЕБ. Ну, тогда подыграйте мне.

ВИКА. Зачем это?

ГЛЕБ. Предположим, я хочу потренироваться перед тем, как произнести признание в любви.

ВИКА. Ко мне, что ли?

ГЛЕБ. А это как хотите.

ВИКА. Нет, ко мне не надо.

ГЛЕБ. Хорошо, пусть это будет признание в любви не к вам. Пусть это будет признание в любви вообще. *(Встает перед Викой на колени.)* Давайте представим, что вы — Джульетта. А я буду пылкий Ромео. *(Читает с пафосом и некоторой театральностью монолог Ромео.)*

«Я сам хочу остаться.

Сегодня, завтра, навсегда!

Ведь это доказательство любви!

Тебе другие доводы нужны?»

Так, теперь вы.

ВИКА. А я что должна говорить?

ГЛЕБ.

«Стань мужем мне, женою назови.

Брак — главное свидетельство любви».

ВИКА *(скучным и блеклым голосом).*

«Стань мужем мне, женою назови

Брак — главное свидетельство любви».

ГЛЕБ. Нет, не то! Тут должно быть чувство. Представьте, что я — это ваш муж.

ВИКА. Не дай Бог!

ГЛЕБ. Нет, ну, просто представьте, что я — это он. Просто представьте и все. Как вашего ухажера зовут?

ВИКА. Рома.

ГЛЕБ. Ну, вот и отлично. Я — ваш любимый мужчина Роман. Представили?

ВИКА. Ну, представила.

ГЛЕБ. Тогда говорите. *(Подсказывает с пафосом и некоторой театральностью.)*

«Стань мужем мне, женою назови.

Брак — главное свидетельство любви».

ВИКА *(с чувством).*

«Стань мужем мне, женою назови.

Брак — главное свидетельство любви».

При последних фразах Глеба и Вики в комнату незамеченный ими входит Роман и молча наблюдает за происходящим.

РОМАН *(иронично).* Поздравляю, дорогая, ты далеко зашла!

ВИКА *(взволнованно).* О, господи!

РОМАН. Вот именно!

Глеб встает с колен, отряхивает их и садится в дальнем углу комнаты на стул.

ВИКА. Ты ничего не понял — я ему помогаю.

РОМАН. Ага, я видел. Помогай дальше. *(Намеревается уйти.)*

ВИКА *(догоняя и останавливая Романа).* Ты что, разлюбил меня совсем, да?

РОМАН. Я?!

ВИКА. Да, ты. Когда человек любит другого, он даже думать не может ни о чем таком. Или ты в себе не уверен?

РОМАН. Уверен. А причем тут это?

ВИКА. Если ты в себе уверен, то какие у тебя могут быть конкуренты? У супермена никаких конкурентов быть не может. И уж, по крайней мере, не он. *(Кивает в сторону Глеба.)* Или ты по себе судишь?

РОМАН. Ты это о чем?

ВИКА. Когда мы изменяем или можем изменить сами — мы начинаем подозревать в измене других.

РОМАН. Ничего себе подозревать?!

ВИКА: Когда человеку нечем заняться — ему в голову и лезет всякая гадость.

ГЛЕБ. «... Богиня любви безделью и праздности рада:

Делом займись - тотчас делу уступит любовь...»

Вика смотрит в сторону Глеба. Тот ей выразительно подмигивает.

РОМАН. Я вижу, каким вы тут делом занимались.

ВИКА. Не думай, что я буду извиняться за то, чего не делала — не хочу чувствовать себя идиоткой.

РОМАН. Что, скажешь, у меня были глюки? И что ничего такого между вами не было?

ВИКА. Да как ты мог подумать об этом?! Да ты посмотри на него — на нем же женская одежда!

Глеб в шутку и с нарочитой манерностью строит Роме глазки.

ГЛЕБ *(посылая Роману воздушный поцелуй).* Ромчик, вы такой лааапочка...

РОМАН. Так он еще и... *(Обращается к Вике.)* А тебя, случаем, в садо-мазо не тянет, а? *(Иронично.)* Нет, тебе, наверное, больше с животными нравится.

ВИКА. Ага, с ослами вроде тебя. Ну-ка говори быстро: любишь меня?

РОМАН. Ну...

ВИКА. Что значит «ну»?

РОМАН. Ну, люблю. И дальше что?

ВИКА. А почему ты говоришь так, будто хочешь отделаться?

РОМАН. В смысле?

ВИКА. Ну что значит «Люблю и дальше что»?

РОМАН. А что это, по-твоему, значит?

ВИКА. По-моему это значит «отвали».

РОМАН. Я не понимаю, что ты хочешь.

ВИКА. Чтобы ты просто сказал «люблю».

РОМАН. Ну, хорошо, люблю. Теперь ты довольна, наконец?

ВИКА. Нет.

РОМАН. О, господи!

ВИКА. Так ты меня любишь?

РОМАН. Да.

ВИКА. Сильно?

РОМАН. Сильно.

ВИКА. А что тебе нравится во мне больше всего?

РОМАН. Когда ты мне не сносишь мозг. Мой тебе совет: не разрушай мои нервные клетки, а то из них выскочат мои нервные хищники и бросятся на тебя.

ВИКА. Обещаю. Пойдем, я тебе кое-что скажу.

Роман и Вика уходят.

ГЛЕБ. Да, денек сегодня выдался на славу.

Входит Эльвира Павловна.

Ну и где ваши обещанные невесты?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Скоро будут. Потерпите несколько минут.

ГЛЕБ. Ладно, пойду пока покурю. *(Уходит.)*

Входит Евгения.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Так, Жень, у меня к тебе дело.

ЕВГЕНИЯ. Какое?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Надо задержать этого клиента в агентстве любыми способами.

ЕВГЕНИЯ. А я тут причем?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Я прошу это сделать тебя.

ЕВГЕНИЯ. А Вика?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Вика отпросилась на полчаса, так что мы теперь тут с тобой вдвоем остались.

ЕВГЕНИЯ. И что я должна делать?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ничего особенного. Просто поболтаешь с ним и всё. Полчасика, не больше. А там тебя Вика сменит, если никто из претенденток не успеет за это время приехать. Прошу тебя: сделай это ради меня. Обещаю, что я это не забуду.

ЕВГЕНИЯ. Кстати, зарплату вы тоже мне обещали.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Будет тебе зарплата, будет. Правду тебе говорю.

ЕВГЕНИЯ. Я тоже правду люблю говорить... и тоже сама её выдумываю...

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Обещаю сегодня же решить этот вопрос.

ЕВГЕНИЯ. Ладно, пусть будет по-вашему.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ну и чудненько!

Входит Глеб.

Глеб Михайлович, это Евгения. Прошу любить и жаловать.

ЕВГЕНИЯ. Любить не обязательно.

ГЛЕБ. Тогда остается жаловать. Здравствуйте, барышня, меня Глебом зовут.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Я пойду делами займусь, а вы тут пока поболтайте... *(Уходит.)*

ГЛЕБ. Вы меня не бойтесь — я человек смирный.

ЕВГЕНИЯ. Не волнуйтесь: себя я боюсь больше, чем всех остальных человек вместе взятых.

Некоторое время Глеб и Евгения сидят молча.

ГЛЕБ. Это ничего, что я молчу?

ЕВГЕНИЯ. Странно.

ГЛЕБ. Что странно? Что я молчу?

ЕВГЕНИЯ. Нет, что вы не спрашиваете как у меня дела.

ГЛЕБ. Ладно, спрошу. Ну и как у вас дела?

ЕВГЕНИЯ. Это философский вопрос... С точки зрения зеленого листика мои дела ужасны, потому что я ни фи́га не зеленая и не прищандорена к веточке. Кстати, с точки зрения людей мои дела тоже не ахти.

ГЛЕБ: Почему?

ЕВГЕНИЯ: А зачем вам это?

ГЛЕБ: Ну, так, интересно все-таки. Расскажите.

ЕВГЕНИЯ: Не знаю, что и рассказать.

ГЛЕБ: Что хотите.

ЕВГЕНИЯ: Итак, моя захватывающе интересная жизнь. Ну, не вышиваю крестиком. Не умею играть ни на каких музыкальных инструментах, но зато могу играть на нервах ближних — это у меня хорошо получается. Не вожу танк и шагающий экскаватор. Не смотрю сериалов по телевизору. Раньше лезла всем помогать, когда надо и особенно — когда не надо... Правда, со временем мне эту охоту отбили. Да, а еще я очень скромная, чем и хвастаюсь на каждом углу... Знаете, что-то я устала от всего этого. И больше всего — от своих мозгов. Хотя тоже выжила, как видите.

ГЛЕБ: И как вам это удалось?

ЕВГЕНИЯ: Я просто вооружилась тезисом Дидро: для того, чтобы быть счастливым и успешным, нужно иметь хороший желудок, злое сердце и вовсе не иметь совести. Ведь успех напрямую связан с честностью и порядочностью. Когда этих качеств у человека нет — успех гарантирован. Я думаю, вы это знаете лучше меня.

ГЛЕБ: А как же принц на белом коне?

ЕВГЕНИЯ: А зачем мне принц? Мне никакого принца не надо.

ГЛЕБ: Вот как? А кого вы тогда ждете?

ЕВГЕНИЯ: Какого-нибудь несчастного идиота, чтоб моим дебильностям умилялся и в лоб целовал. Вы, наверное, думаете, что я шизофреничка?

ГЛЕБ. С чего вы взяли?

ЕВГЕНИЯ. Так, по крайней мере, обо мне думают окружающие. Хотя и не говорят вслух, за что им большое человеческое спасибо.

ГЛЕБ. Ничего я такого не думаю. Просто у вас, как и у всех, есть свои заморочки. И вы правильно делаете, что о них не говорите. Потому как большинству людей на них наплевать, а остальные только будут этому рады. И еще помните, что все люди — сволочи.

ЕВГЕНИЯ. Неужто и вы тоже?

ГЛЕБ. И я тоже.

ЕВГЕНИЯ. И увидел Бог, что мир хорош — и зачем-то создал человека.

ГЛЕБ. Но потом сжалился над человеком и дал ему надежду.

ЕВГЕНИЯ. И совершенно напрасно это сделал.

ГЛЕБ. Почему это?

ЕВГЕНИЯ. Потому что самое страшное наступает тогда, когда надежда умирает, а ты все еще живешь. Вернее сказать, существуешь. Эх, вернуться бы сейчас в прошлое — там было такое прекрасное будущее.

ГЛЕБ. И мороженое было вкуснее и ириски.

ЕВГЕНИЯ. И кино было праздником. Или вспомните утро в выходной день. А сейчас... Хожу на работу — возвращаюсь с работы, хожу — возвращаюсь, хожу — возвращаюсь. Маятник, мать его! Впрочем, кому какое дело, что там у меня внутри? Знаете, как мы поступим? Я буду изображать из себя умную и счастливую, а вы в это поверите. Так и скоротаем время. Кстати, а я вчера была и вправду счастливой.

ГЛЕБ. Вот как?

ЕВГЕНИЯ. Точно. Хотите, предъявлю доказательство?

ГЛЕБ. Ну, предъявите.

ЕВГЕНИЯ (*доставая из кармана билет на автобус*). Это билетик на автобус, на нем сумма первых трех цифр равна сумме вторых трех цифр. Оказывается, я вчера была счастлива. Жаль, что не успела это вовремя заметить и как следует насладиться. Упустила свой шанс. А он, может быть, был последний.

ГЛЕБ. Не расстраивайтесь. Этот шанс наверняка не был последний.

ЕВГЕНИЯ. Ага, будут ещё и другие шансы, которые я упущу. Боже, какими мы стали занудными, мы больше не едим счастливые билетки... Может, поэтому мы и стали такими злыми.

ГЛЕБ. Мир сейчас такой — успех в нем гарантирован бессердечным и неразборчивым в средствах.

ЕВГЕНИЯ. А вам не противно в таком мире жить?

ГЛЕБ. Это не имеет значения. Мир таков, каков он есть, и переделать его мы не в силах. И в нем всегда был и будет только один закон: правят и процветают только те, кто умеет властвовать и утверждаться силой.

ЕВГЕНИЯ. Возможно, вы и правы. Только мне противно в таком мире жить.

ГЛЕБ. А я вот живу и ничего.

ЕВГЕНИЯ. Значит вы из стаи волков.

ГЛЕБ. Точнее сказать волк-одиночка. Помните: одиночество — удел сильных. Слабые всегда жмутся к толпе.

ЕВГЕНИЯ. Но от этого вы все равно не перестали быть хищником.

ЕВГЕНИЯ. Не перестал. Хотя в отличие от многих я всего добился сам без папиных звонков и всякого такого.

ЕВГЕНИЯ. Неужели? Разве это возможно?

ГЛЕБ. Возможно, если очень захотеть и стремиться к достатку, а не к продавленному дивану с газетой и допотопным телеком. Я не вижу ничего плохого в том, что пришло время ярких лидеров и индивидуалистов.

ЕВГЕНИЯ. И негодяев.

ГЛЕБ. Да ну, ладно вам! Что за радость жить и умирать нищим колхозом?! Я думаю, что сейчас единственный выход для каждого — перестать ныть и начать вкалывать ради достойной жизни.

ЕВГЕНИЯ. Значит, вы решили прорваться в богатую жизнь?

ГЛЕБ. Я создал ее себе сам. И при этом никого не убил и, в общем-то, не ограбил. Во всяком случае, не отнял последнее ни у сироты, ни у вдовы. Я просто вовремя понял, как можно сделать состояние, пользуясь мозгами и напором. Так что если человек чего-то очень хочет, то это обязательно сбывается.

ЕВГЕНИЯ. А вот у меня уже давно ничего не сбывается... Наверное, я не человек... Однажды давным-давно я купила себе красивую-красивую рыбку... дюжину рыбок спустя я совершенно четко поняла — всё, что ты любишь — непременно умрёт...

ГЛЕБ. Понимаю.

ЕВГЕНИЯ. Неужели?

ГЛЕБ. А почему нет? У меня ведь тоже душа есть...

ЕВГЕНИЯ. У вас... душа?

ГЛЕБ. Ну, да, как и у всех людей. Правда, однажды я попытался продать ее как Фауст. Но сделка не состоялась.

ЕВГЕНИЯ. Почему?

ГЛЕБ. Как только черт взял мою душу, чтобы ее как следует рассмотреть, так сразу же выбросил и побежал мыть руки. С тех пор она так и живет никому не нужная. Ни чертям, ни ангелам. Людям, кстати, тоже. Хотите, расскажу о своей прошлой жизни?

ЕВГЕНИЯ. Валяйте, если есть потребность.

ГЛЕБ. Есть. Так вот. Я — сын хозяина большущего банка.

ЕВГЕНИЯ. Во как! Выходит, вы крутой бизнесмен.

ГЛЕБ. Это он крутой, а не я. Я... *(Замолкает.)*

ЕВГЕНИЯ. И что вы?

ГЛЕБ. Я его сын от женщины, которую он ненавидит.

ЕВГЕНИЯ. Значит, у вас тоже все в детстве было наперекосяк...

ГЛЕБ. В известном смысле. Нет, у меня дома не было больших трагедий, драк или там пьянок. К тому же мне рано начало везти.

ЕВГЕНИЯ. Папа помог стартануть, да?

ГЛЕБ. Да нет... просто я был умнее своих ровесников, умнее всегда — и в четырнадцать и в шестнадцать и в восемнадцать, когда выбрал самый удобный для себя институт, сам в него поступил без всякого блата и принялся грызть гранит науки. Я тогда жил легко, не принимая тяжелых решений и умело обходя подводные камни. Поэтому меня все любили...

ЕВГЕНИЯ. Вот видите! Вы счастливчик.

ГЛЕБ. Да, все, кроме моего собственного отца... А у вас как жизнь складывалась?

ЕВГЕНИЯ. Если вы про дела на личном фронте, то лучше и не спрашивайте — с личного фронта я давно дезертировала. И нашла идеального для себя собеседника — стены.

ГЛЕБ. Какой же это идеальный собеседник?

ЕВГЕНИЯ. А чего? Всё слышат, все понимают и всегда молчат.

ГЛЕБ *(доставая пачку сигарет).* Курите?

ЕВГЕНИЯ. Нет, не курю, алкоголем не злоупотребляю, с наркотиками не знакома вообще. Правда, пока я строю из себя тихую примерную девочку, сволочь внутри меня просто тихо офигевает от всего происходящего.

ГЛЕБ. Да никакая вы не сволочь.

ЕВГЕНИЯ. Нет, сволочь.

ГЛЕБ. Нет, не сволочь. Я лучше знаю! Просто вы таким образом защищаете свою ранимую натуру.

ЕВГЕНИЯ. Вы что, психолог, что ли?

ГЛЕБ. Не был бы психологом, не достиг бы ни черта. В моем бизнесе без понимания человеческой природы нельзя.

ЕВГЕНИЯ. И вы понимаете, почему одни люди любят других? И почему — нет?

ГЛЕБ. Не очень. Но я знаю одно — мужчина в своей жизни должен любить трех женщин...

ЕВГЕНИЯ. Ага, брюнетку, блондинку и рыженькую...

ГЛЕБ. Не угадали.

ЕВГЕНИЯ. Ну... тогда худую, полную и средней комплекции.

ГЛЕБ. Ту, которая родила его, ту, которая родит ему, и ту, которая рождается у него. Первую я знаю. Остальных двух... *(Замолкает, крутит в руках пачку сигарет, убирает ее обратно.)* Ладно, потом покурю. Если не секрет, вы со своим сколько прожили?

ЕВГЕНИЯ. Мне кажется, что миллион лет.

ГЛЕБ. Вы его любили?

ЕВГЕНИЯ. Да, любила. Я его, а он — себя. Это единственное, в чем у нас было совпадение. А потом он ушел. А пока он уходил, я стояла и смотрела ему вслед. И прокляла тот день, когда мы повстречались. Впрочем, он ведь не виноват в том, что не любил меня.

ГЛЕБ. Наверное, то же самое чувствовала и моя жена, когда я от нее уходил.

ЕВГЕНИЯ. Значит, у вас тоже есть опыт счастливой семейной жизни?

ГЛЕБ. Как не быть. Я со своей бывшей при странных обстоятельствах познакомился: она проводила налоговую проверку моего бизнеса, а я ей предложил взятку. Та еще романтика!

ЕВГЕНИЯ. А она взятку взяла?

ГЛЕБ. И брала еще пять невыносимо долгих лет, пока жила со мной. Лучше бы я тогда все налоги заплатил — дешевле бы было. Да и для здоровья полезнее. Она, правда, недолго горевала и через полгода снова вышла замуж.

ЕВГЕНИЯ. Она счастлива с этим другим?

ГЛЕБ. Я оставил ей миллион долларов вместе с квартирой, так что не уверен, что она сильно по мне убивается.

ЕВГЕНИЯ. Ого, круто!

ГЛЕБ. Это была плата за свободу.

ЕВГЕНИЯ. А почему вы от нее ушли?

ГЛЕБ. Потому что она два последних года нашего замужества жила еще и с любовником. К нему и ушла. А я все начал заново. Из всего этого я понял, что самая лучшая женщина не та, которая идеальная, а та, которая рядом, и которую любишь.

ЕВГЕНИЯ. И лучше, если взаимно.

ГЛЕБ. Другие варианты я уже проходил, хватит. В общем и целом я не впал в нищету, как вы понимаете.

ЕВГЕНИЯ. Судя по одежде не впали.

ГЛЕБ. Ну, вот почему так: если женщина следит за собой, то она настоящая женщина, а если мужчина следит за собой, значит, он — вычурный нарцисс.

ЕВГЕНИЯ. Я этого не говорила, не надо.

ГЛЕБ. Да, в общем, не говорили. Простите. Я не всегда бываю умным. Простите.

ЕВГЕНИЯ. Ничего. Я тоже. Ч то касается ума...

ГЛЕБ. Ум... самая умная женщина не та, которая эрудированная, а та, которая молчит.

ЕВГЕНИЯ. А молчит почему?

ГЛЕБ *(улыбается).* Потому что рот поцелуями занят.

ЕВГЕНИЯ. Что ж, думаю, вашей избраннице повезет. Если, конечно, найдется такая красавица.

ГЛЕБ. Вы имеете в виду фигуру, черты лица и прочую лабуду?

ЕВГЕНИЯ. Почему же это лабуда? Разве внешность для женщины ничего не значит?

ГЛЕБ. Внешность, внешность!.. Ерунда это все, если подумать как следует. Самая красивая женщина — та, которую любишь. Ведь любовь — это когда плохо выглядеть уже не страшно.

ЕВГЕНИЯ. Эээ, нет, не скажите. Только некрасивая женщина прониимает — как важна красота. Вы, мужчины, любите порассуждать о душе, но ведетесь почему-то в основном на красивых. Хотя с эстетической точки зрения это и понятно.

ГЛЕБ. Значит вы в принципе не против любви?

ЕВГЕНИЯ. Почему же против? Любовь есть. О ней даже можно прочесть в книжках. Или поговорить. Любовь... Я вот лично люблю пирожки с яблочками. Люблю запах новых книг. Люблю ходить босиком по мху, особенно если нет опасности порезать к чертям ноги о битое стекло или банки какие-нибудь.

ГЛЕБ. Я тоже люблю по мху ходить. А еще я люблю петь в ванной — мне нравится, что акустика делает голос звонким. Хотя соседи начинают стучать по трубам и требовать прекратить это безобразие. А что вы еще любите?

ЕВГЕНИЯ. Что еще?.. Люблю старые дореволюционные фотографии. Грустно, что таких лиц уже больше никогда не будет. А еще я люблю ходить после дождя по городу и смотреть, как веселые дождевые червяки шустро ползают по мокрому асфальту и дружно плюют на меня и мои заморочки... Так что я много чего люблю, как видите. А еще я люблю мечтать. А вы мечтаете о чем-нибудь? Только честно.

ГЛЕБ. Наверное.

ЕВГЕНИЯ. И о чем, если не секрет?

ГЛЕБ. О чем я мечтаю? О том, например, чтобы сказать кому-нибудь «Я тебя люблю». Вы же просили честно. Я честно и ответил.

ЕВГЕНИЯ. Когда я слышу фразу «я тебя люблю» — то мне все время хочется услышать продолжение.

ГЛЕБ. Не понял. Какое продолжение?

ЕВГЕНИЯ. Ну, например, «я тебя люблю мучить» или «я тебя люблю унижать», или... ну, в общем, я не верю, что все так просто с этими словом и... В общем, если честно признаться — я уже давно никого не люблю. Свыклась, знаете, со своим одиночеством и не принимаю его как трагедию.

ГЛЕБ. А я — не свыкся. Плохо, когда возвращаешься к себе домой, вдыхаешь вкусный запах свежеприготовленной еды и понимаешь, что это — не из твоей квартиры...

ЕВГЕНИЯ. Значит, богатые тоже плачут?

ГЛЕБ. Да, мы же люди. И нам тоже нужен любимый человек рядом.

Входит Эльвира Павловна.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Глеб Михайлович, тут к вам барышня.

ГЛЕБ. А, черт! Вот уж некстати. Мы только разговорились.

ЕВГЕНИЯ (*вставая*). Ладно уж, развлекайтесь, не буду вам мешать. (*Уходит.*)

ГЛЕБ. Эх, если бы красивые девушки были такими же умными, как вот это чудо природы... *(Обращается к Эльвире Павловне.)* Ну, что там у вас?

Эльвира Павловна выходит и тут же возвращается с Клавдией.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Вот, познакомьтесь. Это Глеб Михайлович.

ГЛЕБ. Можно просто Глеб.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. А это Клавдия. Ну, не буду вам мешать. *(Уходит.)*

КЛАВДИЯ. Привет!

ГЛЕБ. Ахой!

КЛАВДИЯ. Чего-чего?

ГЛЕБ. Это по-чешски «Привет». Могу и по-японски: Охаё!

КЛАВДИЯ. А по-нашему что, не можешь?

ГЛЕБ. Ну, почему не могу, могу. Мэндэ!

КЛАВДИЯ. Слушай, хорош материться!

ГЛЕБ. Ты же просила по-нашему. Мэндэ — это и есть «Привет». По-нашему, по-бурятски.

КЛАВДИЯ *(недоверчиво).* А ты чё, бурят, что ли?

ГЛЕБ. Да нет, вроде не бурят. *(Подходит к Клавдии, придирчиво рассматривает ее со всех сторон, одобрительно.)* Да, ничего не скажешь - пять баллов! *(Нарочито галантно берет Клавдию под локоть.)* Сударыня, можно я за вас подержусь, а то от вашей красоты у меня ноги подкашиваются!

КЛАВДИЯ. Ты зачем это сделал?

ГЛЕБ. Что из того, что я сделал — «Зачем»?

КЛАВДИЯ. Ну, вот это всё.

ГЛЕБ. А что сначала надо было ударить тебя бейсбольной битой по голове или кулаком в морду?

Клавдия ошарашено смотрит на Глеба.

Ну что ты смотришь, как баран на экран? Может, хватит инсценировать мыслительную деятельность, а то я чувствую себя друидом.

КЛАВДИЯ. В смысле?

ГЛЕБ. Те тоже с деревьями разговаривали.

КЛАВДИЯ. Не хочешь, так не разговаривай. А хамить не надо. Я и сама хамить могу.

ГЛЕБ. Ну ладно, не обижайся. Если хочешь — давай поговорим. Меня Глеб зовут, что значит «любимец богов». А тебя, красавица, выходит Клавдией кличут? А фамилия твоя как?

КЛАВДИЯ. Глазунова.

ГЛЕБ. О, да ты никак родственница Глазунова?

КЛАВДИЯ. Ну, да...

ГЛЕБ. А какого из всех Глазуновых ты родственница: композитора, художника или режиссера?

КЛАВДИЯ. Да я и не знаю...

ГЛЕБ. Что ж, это и к лучшему. Хотя, по правде сказать, фамилия у тебя очень даже ничего.

КЛАВДИЯ. Слушай, а чего это тебе моя фамилия сдалась?

ГЛЕБ. Да так... решил вот фамилию сменить.

КЛАВДИЯ. А по мне хоть горшком назови — только в печку не ставь.

ГЛЕБ. Умно, умно. А ты вообще по жизни чем занимаешься?

КЛАВДИЯ. В торговле работаю. Кассиром в магазине.

ГЛЕБ. О, и я тоже в торговле. Мы с тобой, оказывается, коллеги. Правда, немного на разных полюсах, но все-таки. Это как ложкари и скрипачи: те и другие вроде музыкой занимаются, но все же разной. Я вообще-то я музыку люблю. Камерную.

КЛАВДИЯ. «Владимирский централ», что ли?

ГЛЕБ *(со смехом)*. Ой, не могу, ой, я сейчас помру! *(Сгибается от смеха пополам.)* Ф топку! Ой, жёстко как! *(Постепенно успокаиваясь.)* Ох, фу, низачот! Ну, ладно, ладно, что это мы все обо мне, да обо мне... Давай о тебе, что ли, в натуре, поговорим, чисто конкретно. Расскажи мне — чего ты здесь, если не секрет. Что ищешь ты в краю далеком? Что кинула в краю родном?

КЛАВДИЯ. А вы что, не знаете, что тут ищут? Я вот мужа. А вы?

ГЛЕБ. А зачем тебе муж?

КЛАВДИЯ. Я не дура — понимаю, почему русалочка хотела ноги.

ГЛЕБ. Когда станешь ещё умнее — поймёшь, зачем пугало хотел мозг.

КЛАВДИЯ. Ты что ж, думаешь, у меня мозгов нет? Да шас, как же! Не меньше, чем у других!

ГЛЕБ. А давай проверим.

КЛАВДИЯ. Ну, давай. А как?

ГЛЕБ *(беря со стола ручку и лист бумаги, протягивая их Клавдии)*. На ручку, пиши.

КЛАВДИЯ *(беря протянутую ей ручку)*. Чего писать-то?

ГЛЕБ *(на мгновение задумывается, потом диктует)*. «Признаюсь честно: я обожаю путешествия из-за нескончаемого калейдоскопа впечатлений, которые неизгладимо остаются в памяти, в течение долгого периода времени хранящей их в воспоминаниях.» *(После того, как Клавдия записывает продиктованный текст, забирает у нее листок, читает написанное вслух.)* Ага, я так и думал! «ПрЕзнаюсь чеСНо я обАжаю путИшествия из-за нескАнчаемоВо калИЙдАскопа вПИчЕтлений, кАторые...» Ой, мама моя родная, роди меня обратно! Так, все понятно... дальше можно не смотреть. *(Бросает листок на стол.)* Да уж, велик и могуч русский язык. В смысле крут и наворочен русский базар. Впрочем, другого и ожидать было трудно.

КЛАВДИЯ. И чего ты взъерепенился, я не пойму? Написала как написала.

ГЛЕБ. Да тут у тебя, милая, наверное, тридцать ошибок на пять строк текста. Впрочем, с такими очертаниями зада иметь образование не надо. Чтобы рожать дураков мозга вообще не требуется. Мой тебе совет: стерилизуйся и будешь счастлива.

КЛАВДИЯ. Ты что, сбрендил?! Я еще с ума не сошла.

ГЛЕБ. Да уж, с такого ума, как у тебя, очень трудно сойти. Хотя оно это конечно же ежли вообще и опосля коли завсегда.

КЛАВДИЯ. Так что, мы встречаться не будем?

ГЛЕБ. Зачем?

КЛАВДИЯ. Ну, завтра ведь выходной... и вообще... время проведем... все равно делать-то нечего.

ГЛЕБ. Знаешь, для меня время — деньги. Поэтому время на тебя тратить...

КЛАВДИЯ. Что, денег жалко, да? Или без копыа сидишь?

ГЛЕБ. Я-то? *(Достает портмоне, вынимает пачку кредитных карточек, разворачивает её веером, показывает Клавдии.)* Денег, как видишь, хватает. *(Убирает кредитные карточки.)*

КЛАВДИЯ. Правильно говорят: все богатеи — жмоты. Никак со своими деньжищами не расстанутся.

ГЛЕБ. А вы, бабы, одно понять не можете: у нас теперь в стране суровый капитализм. Не сытый, ленивый и хорошо обустроенный капитализм, каким вы его по телеку видите, а тот, где бомбы под машинами, где «крыши» и наезды покруче чикагских, и где пули свистят по степи. И как раз в сторону таких вот, как я. Вот что я тебе скажу, вернее не скажу, а покажу. *(Расстегивает рубашку, вытаскивает ее всю наружу, поворачивается спиной к Клавдии, задирает, показывает ей голую спину.)* Вот как мне давался мой бизнес. А всего у меня два пулевых ранения и три ножевых. *(Одергивает рубашку и заправляет ее в брюки.)* Мне не везет, дорогая моя. Просто я умный. Поэтому считать меня круглым идиотом, который будет бездумно тратить кровью и потом заработанные деньги на таких неотесанных дур, как ты, ошибка. Да ни за какие коврижки.

КЛАВДИЯ *(вставая со стула).* Ну и черт с тобой! Получше тебя найдутся. *(Идет к выходу.)*

ГЛЕБ *(вдогонку).* Искренне желаю тебе найти свою вторую половину... мозга.

КЛАВДИЯ *(оборачиваясь в дверях).* Забудь меня!

ГЛЕБ *(усмехнувшись).* «Забыть тебя»?! Что ты! Мне бы тебя запомнить.

КЛАВДИЯ *(выходя из комнаты).* Только время зря потратила!

ГЛЕБ. А уж сколько я его тут угробил... впрочем, иногда не мешает развлечься... Что ж, продолжим невероятные и захватывающие приключения в агентстве «Кама с утра». Так, пока никаких других баб нет, можно и покурить *(Уходит.)*

Конец первого действия.

Действие 2.

Та же сцена в виде комнаты в брачном агентстве. Входит Глеб. На нем все та же женская одежда. За ним почти сразу входит Эльвира Павловна.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ну, как вы?

ГЛЕБ. Да никак. Пустая трата времени. Ладно, раз никого больше нет, я отправляюсь по делам. *(Начинает снимать верхнюю одежду.)*

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Подождите, подождите! *(Пытается воспрепятствовать переодеванию Глеба.)*

ГЛЕБ. Да ну вас всех! Мне этот маскарад надоел! *(Снова пытается раздеться.)*

Эльвира Павловна мешает Глебу. Тот пытается преодолеть ее попытки ему помешать. В это время входят Вика и Роман, замечают Эльвиру Павловну и Глеба в достаточно двусмысленном положении.

РОМАН. Эээ, да вы тут время зря не теряете, как я посмотрю.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Это так... мы тут... одежду мерили... *(Быстро выходит их комнаты.)*

ГЛЕБ (*застегивая пуговицы и приводя себя в порядок*). Да, именно так и было...
(*Быстро уходит из комнаты вслед за Эльвирой Павловной.*)

ВИКА. Видал, что у нас тут творится? Сумасшедший дом какой-то!

РОМАН. Да плевать! У меня сейчас не о них, а о нас с тобой голова болит. И я вот о чем думаю: в человеческих отношениях бывает как с компьютерами — всё грохается в один момент. И лучшее, что мы можем сейчас сделать — это глубоко вздохнуть и перезагрузиться.

ВИКА. Тогда встречаемся в 7 вечера там же где и всегда?

РОМАН. Да, там же где и всегда.

ВИКА. И если кто-то из нас опоздает...

РОМАН. То я подожду.

ВИКА. Замётано.

Роман и Вика уходят. Входят Эльвира Павловна и Глеб.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Сейчас я ее приведу. Не барышня — конфетка! Бывшая модель.

ГЛЕБ. Бывшая модель чего?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Одну минуточку! (*Быстро выходит.*)

ГЛЕБ. Какой-то сегодня день суматошный. Эх, лучше бы с этой, как ее... ах, да, Женя... поговорить бы с ней, да свалить по делам...

Входит Стелла. Она манерно двигается, говорит присюсюкивая и растягивая слова. Глеб поначалу подыгрывает Стелле и некоторое время косит под гламурищика. Это не трудно, потому что на нем узкие женские брюки Эльвиры Павловны и ее же обтягивающая рубашка.

СТЕЛЛА. Стелла.

ГЛЕБ. Красиво. Ну, а фамилия как?

СТЕЛЛА. Богатова.

ГЛЕБ. Ух, класс! Мне бы такая фамилия очень подошла. Да вы присаживайтесь, сударыня, присаживайтесь, будьте как дома.

Стелла садится на стул.

ГЛЕБ. Мурр, мурр, я — девушка-гламурр... Ну, Стеллочка, чего нового в местной тусовке? Я только что из нашей Куршевелевки прилетел, всех новостей пока не знаю.

СТЕЛЛА. Боже, как трудно быть на волне, всегда в курсе моды и вообще всего нового... Ты же понимаешь?

ГЛЕБ. Ну, конечно! А я тебя нигде не встречал? Ты вообще откуда? Чем занимаешься по жизни? Наверное, на ландшафтного дизайнера учишься? Это ведь модно сейчас, да?

СТЕЛЛА. Ну, дааа...

ГЛЕБ. Значит, на бульдозере работаешь? (*Смеется.*) Шучу, шучу. Ну, как жизнь за тонированными стеклами? Что нынче в моде? Говорят, что стало актуально носить большие бриллианты в ушах?

СТЕЛЛА. Нууу, это когда где.

ГЛЕБ. А платья сейчас какие носят?

СТЕЛЛА. Нууу, типа этого. *(Показывает на свое платье.)* Непременно что б со стразами, рваным низом, прозрачное, и кружевной лифчик, украшенный кристаллами от Сваровски, и тифельки золотые, нечего тут голову ломать.

ГЛЕБ *(с умным видом разглядывает одежду Стеллы, щупает платье).* Вау... Ооо... Где покупала? В Париже на авеню Монтень? Наверняка в бутике Эскада. Там решеточки уже переделали или все еще нет?

СТЕЛЛА *(несколько смущенно).* Нууу... Я уже и не помню.

ГЛЕБ. И духи у тебя какие приятные.

СТЕЛЛА. Эксклюзив. «Жан Пату».

ГЛЕБ. Джой или Энжой?

СТЕЛЛА. Эээ...

ГЛЕБ. Нет, похоже на Сублим...

СТЕЛЛА. Да, это Сублим!

ГЛЕБ *(с сомнением).* Ну, какой же это Сублим. Это скорее Амур Амур...

СТЕЛЛА. Да, да, Амур, я и забыла... Часто приходится менять...

ГЛЕБ. Ну да! Надо же все менять и менять... Иначе скууука... Нет, конечно, можно купить, например, что-нибудь из коллекции Дольче и Габбана, одеться и прийти. Но ты же не будешь в этой коллекции ходить завтра и послезавтра!

СТЕЛЛА. Вот именно!

ГЛЕБ. Я вот что думаю: если чувак купил себе какую-нибудь там «мазду-пятерку» в кредит, то он что, уже наш? По-моему, это бред. Машина должна быть роскошная. Последних моделей Мерседес, Бэнтли, а еще лучше ручной работы, со вставками из карельской березы БМВ Икс Пять, хотя можно красный с низкой посадкой Ламборджинчик взять. Хотя девушкам, конечно, проще.

СТЕЛЛА. В смысле?

ГЛЕБ. Ну, если у тебя красивое тело – смело пользуйся этим, обольщай, перетряхивай кошельки богачушек. *(Смеется.)* Скажем дружно: «Устриц нужно!» *(Вздыхает.)* Правда, устаешь от всего этого ужжаасно! И еще пить приходится много. Я тут как-то недавно нажрался «в дрова», три дня отоспаться не мог. У тебя с этим как? Чего любишь больше — водку с Ред Буллом или виски с колой.

СТЕЛЛА. Я больше шампанское люблю. Я буду всегда его пить, потому что у меня всегда праздник. Ты же понимаешь...

ГЛЕБ. А ты какое шампанское любишь?

СТЕЛЛА. Как какое?

ГЛЕБ. Ну, там «Дом Периньон», «Поммери», «Салон»? Мне лично больше нравится «Круг».

СТЕЛЛА. Это какой Круг, певец что ли?

ГЛЕБ. Ну, ты что, причем здесь певец?! Я про шампанское говорю. А что касается музона — я наших музьянчиков слушаю, конечно, но если честно — я больше забугорье люблю — Шакиру, Кайли Миноуг, Кристинку, конечно.

СТЕЛЛА. Орбакайте?

ГЛЕБ. Ну, что ты! Агилеру, конечно. *(Напевает.)* Ля-ля-ляяя-ляяя-ля-ля. Ну, ты знаешь, это же «Ю лост ми». *(С нарочито русским акцентом.)* «Ви хэд мэгик энд зис из трэгик». Ля-ляяя... «Бэби, ю лост миии»... Ну, класс!

СТЕЛЛА. Ой, ты себе не представляешь как трудно вести светские беседы, шикарно выглядеть и красиво проводить время. Сил просто нет. Только фитнес и спасет.

ГЛЕБ. Я обожаю фитнес! И чтоб клуб был только премиум-класса, элитный. Ну, сама понимаешь — туда ведь не пускают всякую шантрапу. Ну и тренироваться надо только с дорогим персональным тренером, и чтобы он сам тебе надевал наколенники. Жаль только, что он ноги тебе не бреет. Ты ноги, конечно, бреешь?

СТЕЛЛА. Эээ...

ГЛЕБ. А я брею вообще все тело два раза в неделю. А спортивное питание?

СТЕЛЛА. Какое спортивное питание?

ГЛЕБ. Ну, ты чтооо, как же без этого? Я без изотоников в зал ни ногой. А потом фиточай, самый дорогой, конечно. Чтобы не болеть. Болеть — это не прикольно. Поэтому я за здоровьем слежу. «Золотые» программы, понятно, дороже, чем «серебряные». Но еще лучше «Платиновые» — это вообще супер! А анализы ты где делаешь?

СТЕЛЛА. Нуу, в поликлинике.

ГЛЕБ. В какой?

СТЕЛЛА. В этой... как ее... ну, которая в районе...

ГЛЕБ. Фи, да ты что! Как же можно! Анализы я вообще нашим не доверяю делать. Только в Германии или в Швейцарии. И очистки всякие — гемосорбция, гемодиализ, плазмаферез. Ты не поверишь — бодрит до чрезвычайности. А с весом как ты борешься?

СТЕЛЛА. Ем мало. Вообще практически ничего.

ГЛЕБ. Вес, конечно, надо держать. Но и покушать тоже ведь хочется.

СТЕЛЛА. И как же тогда быть? Тут уж надо выбирать что-то одно: либо еда, либо хорошая фигура.

ГЛЕБ. Ну, зачем же так... Есть такой лазер специальный, полежишь под ним — и ты просто люкс. А скальпель и всякие там диеты нынче не в моде. Лазер актуальнее. Ну и отдыхать надо, конечно. Не выезжать зимой в Куршевель, а летом — на Сардинию или Антибы — значит себя не уважать.

Стелла, пораженная осведомленностью Глеба, молчит.

(Перестает притворяться завсегдаем модных тусовок.) А вот если серьезно — какой мужчина тебе нужен? Ты ведь за мужчиной сюда пришла.

СТЕЛЛА. Такой... который настоящий.

ГЛЕБ. А именно?

СТЕЛЛА. Он должен уметь зарабатывать хорошие деньги, быть умным и щедрым, боготворить меня!

ГЛЕБ. За что боготворить-то?

СТЕЛЛА. За то, что я яркая девушка, загадочно-волнующая, соблазнительная, околдовывающая, сексуальная. Волшебница если хочешь.

ГЛЕБ. А можно ли назвать волшебницей смазливую куклу? Да, куклу я тут вижу. Человека — нет.

СТЕЛЛА. Настоящих мужчин тоже мало. А можно сказать, что вообще нет. Так все наши говорят.

ГЛЕБ. Странные вы, все-таки, существа, женщины.

СТЕЛЛА. Почему это мы странные?

ГЛЕБ. Красите волосы, ботаксы всякие, пластические операции, силикон, кремы, мази, пудры — и при этом жалуетесь, что нет настоящих мужчин! Сами-то вы настоящие? Или сплошная синтетика? Хочешь, объясню — почему ты здесь торчишь.

СТЕЛЛА. Ну...

ГЛЕБ. Ищешь богатенького Буратино. А какие у тебя могут быть общие интересы с миллионером? Почему он должен выбрать именно тебя? Возьмем к примеру меня. Чтобы я, взрослый преуспевающий мужик, повелся на такую пустышку, голову потерял и начал деньгами сорить направо и налево? Ну, уж нет! Но у нас с тобой может быть такой расклад: хочешь в ресторан? В дорогой, хороший ресторан. Куда с улицы не пускают.

СТЕЛЛА. Конечно, хочу.

ГЛЕБ. Хорошо, будет тебе ресторан. Хочешь тряпочку новую, дорогую?

СТЕЛЛА. Хочу.

ГЛЕБ. Хорошо, будет тебе тряпочка. Хочешь машину?

СТЕЛЛА. Хочу.

ГЛЕБ. А большую квартиру в собственность хочешь?

СТЕЛЛА. Ну, конечно, хочу.

ГЛЕБ (*иронично*). И что б она была в Париже на Елисейских полях?

СТЕЛЛА. Это было бы шикарно.

ГЛЕБ. Слушай, а что ты мне за это можешь предложить?

СТЕЛЛА. Всё.

ГЛЕБ. Всё — это что?

СТЕЛЛА. Свою красоту.

ГЛЕБ. Так, ты предлагаешь мне свою красоту в обмен на мои деньги. Прекрасно. Но вот в чем проблема: твоя красота день ото дня будет увядать, поэтому покупать тебя только из-за внешности надолго, а тем более на всю жизнь — это плохой бизнес. Я бы лучше взял тебя в краткосрочную аренду.

СТЕЛЛА. Я тебе что машина, что ли?

ГЛЕБ. Увы, аренда — единственное, что может предложить тебе мужик с деньгами и головой.

СТЕЛЛА (*обиженно*). Ты так со мной говоришь, будто я вещь какая-то.

ГЛЕБ. Ну, да. Тут ведь не о настоящей любви идет речь, а о сделке. Каждый получает то, что хочет. Ты хочешь подороже продаться. Что ж, ты имеешь на это полное право.

СТЕЛЛА. Да, имею!

ГЛЕБ. Между прочим, это не самый плохой вариант. Если отбросить все условности и розовые слюни, то получается, что девушка ищет высокооплачиваемую работу. Поэтому всякие там чувства тут не нужно замешивать в одну колбасу вместе со сделкой. Вот ты, если купишь себе дорогую сумочку, то что? Чем будешь ее считать?

СТЕЛЛА. Вещью.

ГЛЕБ. И я тебе про то же. В данном случае ты должна быть готовой, что с тобой будут обращаться, как с вещью. А как по-другому? Что еще кроме требований роскошной жизни и пока еще молодого тела ты можешь предложить? Свои бесконечные капризы?

СТЕЛЛА. С настоящей леди так не разговаривают.

ГЛЕБ: У настоящей леди должны быть признаки ума на лице. А у тебя, прости, конечно, на лице только макияж. У вас, у гламурных тусовщиц, как у всех несчастных,

недолюбленных детей, на поверхности шик и блеск, под ним — слой серьезных психологических проблем, а под этими двумя слоями — зависть, лень, тщеславие и непомерное честолюбие. И все это при полном отсутствии мозгов. И на что с таким багажом можно претендовать? На Париж?

СТЕЛЛА. Хотя бы и на Париж! Чем они там лучше нас? Или там богатые другим заняты?

ГЛЕБ. В Париже, а я там много раз бывал, потому и знаю, на первом месте роскошь интеллектуальная: любовь к искусству, музеям, выставкам, достопримечательностям. Там телефон «Верту», завитая болонка в розовых помпонах и кристаллы Сваровски не рулят. И там никому не нужна томная гламурная барышня с нулем в мозгах. Тем более в платье с блестками, пошитом на китайской подпольной фабрике. Знаешь, это твоё платье напоминает мне дистиллированную воду.

СТЕЛЛА. Что, очень прозрачное?

ГЛЕБ. Нет, абсолютно безвкусное. Не понимаю, что за радость покупать паленые шмотки, выдавая их за модели из парижского бутика. Вот ты в тужельках со шпилькой, платье у тебя в стразах, вся пипец из себя, лялечка гламурненькая... да, ты пока еще красива... куришь тонкие сигареты и не пьёшь ничего дешевле десяти баксов за коктейль... хотя и экономишь для этого на всем... но я точно знаю — больше всего ты любишь семки и дешевое пиво. И когда никто не видит, пьешь его из горла. Что, не так?

СТЕЛЛА. Ничего ты не понимаешь. Миром правит любовь.

ГЛЕБ. Ага, любовь к чужим деньгам и гламурной роскоши. По мне любовь — это когда ты хочешь взять человека не в свою постель, а в свою жизнь... Интересно, а много девушек знают о том, что удачно выйти замуж — это на самом деле не значит, что обязательно за богатого?

СТЕЛЛА: Что, за нищего неудачника, да? Чтобы с ним свою единственную жизнь угробить?

ГЛЕБ: Вот вы все мечтаете о Лондонграде да Париже, яхтах да машинах, а я, грешный, все чаще мечтаю о том, чтобы натянуть старую потёртую джинсу, махнуть к дедуле с бабаней на дачу, пока они живы, полопать клубничку с грядки, да навернуть дешёвого пломбира с бабушкиным вишнёвым вареньем... Эх, не там вы счастье ищете, не там...

СТЕЛЛА. Ага, с нищим рай и в шалаше. Это я уже слышала сто раз. Никакого там рая нет.

ГЛЕБ. А я тебе говорю, что можно быть безмерно счастливой, живя в скромненькой уютной квартире с любимым человеком и можно быть глубоко несчастной, проживая в шикарном особняке с мужем-миллионщиком, зная всех его любовниц. А может и не всех. Скорее последнее.

СТЕЛЛА. Плевать! Пока молодая — отобьюсь.

ГЛЕБ. При этом гарантировано находясь в постоянной депрессуе, потому как можно только представить, сколько еще падких до чужих денег юных красоток будет стервятницами виться вокруг твоего миллионерского гнезда. И поверь — они обязательно дождутся своего часа. Не век же тебе быть молодой и привлекательной.

СТЕЛЛА. Да чего я буду об этом думать! Пока молодая — надо жить. Вот ты-то живешь, а нам всем что — нищенствовать, пока ты будешь по парижам шастать, чтобы тряпки дорогие покупать.

ГЛЕБ. А по мне — модно не то, что носят другие, а то, что носишь с удовольствием ты сам. Ну, видел я все эти традиционные бастионы парижской «высокой моды» на авеню Монтеня или на площади Оперы. «Луи Вуиттон», «Гермес», «Диор», «Шанель»... Ну и что? Что дальше-то?

СТЕЛЛА. А что плохого, что можно стильно одеться?

ГЛЕБ. Знаешь, я не бедный человек, но если мне что-то нужно из одежды, я лечу в Париж именно в сезон распродаж. А еще хожу в магазины «Дегрифф». Там все то же, что и везде, но вдвое дешевле потому что без всяких там бирок и этикеток. Говорят, что их просто срезают и всё.

СТЕЛЛА. Ааа, без бирок и этикеток...

ГЛЕБ. А на хрена они мне?! Вещи-то те же самые! Ты одно пойми — качество французской одежды подтверждено уже даже не десятилетиями, а веками. Поэтому я не парюсь громкими именами, а покупаю одежду в маленьких частных лавочках на бульваре Сен Жермен в Латинском квартале. Там все классного качества. Ты уж мне поверь. И покупать я их буду уж точно не для того, чтобы по твоим гламурным тусовкам таскаться.

СТЕЛЛА. Ну и напрасно. Там прикольно. И весело.

ГЛЕБ. Да что мне там делать-то? Барсеткой стразы околачивать? Не знаю, как других, но меня от этих нужняков, проституттов, сутенеров, альфонсов и халявщиков тошнит. Кто по-настоящему большие деньги зарабатывает, тот туда не ходит.

СТЕЛЛА. Знаешь, какой у вас, у богатеньких, главный большой таракан в голове размером с лошадь?

ГЛЕБ. Ну и какой?

СТЕЛЛА. Все вы боитесь охотниц за вашим бесценным состоянием.

ГЛЕБ. А ты сначала заработай хотя бы десятую часть того, что я заработал, а потом я посмотрю — легко ли ты будешь расшвыривать деньги направо и налево. И запомни: кто платит — тот диктует правила и девочку танцует.

СТЕЛЛА. Фу, какой ты грубый. И не романтичный.

ГЛЕБ. То есть не люблю как ты все сопливо-сентиментальное? Картинки с котятами, сердечками, ангелочками, цветочками, примитивнейшие стишки? Откуда у вас эта нездоровая любовь к розовому цвету, а? Все эти розовые пупсики, маечки, кофточка, очки, туфельки, сумочки, браслетики и прочие чулочки-носочки. И как высший пилотаж — розовая машинка. «Вы красивые, но пустые, ради вас не захочется умереть...» Правильно сказал Маленький принц.

СТЕЛЛА. Это какой еще принц?

ГЛЕБ. Которого Сент-Экзюпери... Ладно, ты все равно не поймешь...

СТЕЛЛА. Какие вы все, мужики, зануды.

ГЛЕБ. А вы из пятилетнего возраста вырастите когда-нибудь? (*Искусственно-сладким голосом.*) Ой, поскорее зацените меня, принцессу-красавицу-секси-мармеладку в пафосно-изломанной жеманной стойке!

СТЕЛЛА. Я же говорила: вы, мужики, все зануды, зануды, зануды, зануды! Надоело!

ГЛЕБ (*серьезно*). Знаешь, и мне тоже. Ладно, хватит впустую тратить время. Желаю тебе всяческих успехов в твоём торговом предприятии, сильно смахивающем на проституцию.

СТЕЛЛА. А ты не строй иллюзий. Все женщины продаются. Только одни с почасовой оплатой, другие — с пожизненной.

ГЛЕБ. Есть и такие, которые вообще не продаются.

СТЕЛЛА. Что-то я таких не встречала.

ГЛЕБ. А ты от своей тусовочно-гламурной помойки отойди, тогда и настоящего мужика найдешь.

СТЕЛЛА. Ничего ты не понимаешь в гламуре.

ГЛЕБ. Знаешь ли ты, детка, что это слово переводится с английского как «обаяние, очарование». А у нас гламур — представление быдла о красоте. Так что пережаренные в соляриях, с пергидрольными волосами дурехи это не гламур, а курицы-гриль. И настоящего мужика им вовек не встретить.

СТЕЛЛА. А какой он — настоящий мужик?

ГЛЕБ. Тот, что предпочтет для брака женщину, которая принесет на стол переговоров не только красоту, но еще и мозги.

СТЕЛЛА. А зачем ему чужие мозги? Своих, что ли, не хватает?

ГЛЕБ. Потому что ему не хочется портить свой генофонд и воспитывать целый выводок Пэрис Хилтон. Чьих-то внуков ждет ужасное будущее — поколение бабушек с татуировками над страшными морщинистыми попами. К счастью это будут не мои внуки. Все, можешь идти тусоваться, не буду тебе в этом мешать.

СТЕЛЛА. А ты что, меня не проводишь?

ГЛЕБ. Ну, конечно, провожу. Взглядом!

СТЕЛЛА. Тогда до свидания.

ГЛЕБ. Лучше прощай. «До свидания» будет большой ложью и пустой тратой времени.

Стелла, с обиженным выражением лица, уходит. Входит Эльвира Павловна.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ну и как вы? О чем-нибудь путном договорились?

ГЛЕБ. Девушка ничего себе. Но сплошные пафос и понты. Так что я на нее не повелся. Мне не нужна очередная безмозглая кукла Ляля, они у меня вот уже где. *(Показывает ребром ладони на горло.)* Мне нужна такая, которая будет видеть во мне человека, а не банкомат. Ну и хоть с какими-то мозгами, конечно. Знаете, я заметил, что главный вопрос в жизни большинства женщин не «что делать» или «кто виноват», а «кому ж я такая офигительная достанусь?»

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ну, сразу никогда ничего не бывает.

ГЛЕБ. Знаете, я одно понял — мне больше не нужны бабы, которые будут юзать меня до тех пор, пока от меня не останется контур белым мелом на полу.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. В наше время иногда трудно различить, когда человек искренен, а когда манипулирует тобой.

ГЛЕБ. Ну, почему же? Манипулирование — это когда «я сделаю то-то и то-то, а ты мне за это то-то и то-то». То есть это чистой воды сделка. А искренность — это когда «я сделаю то-то и то-то потому что это просто надо сделать или потому что ты этого хочешь».

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Вы все еще верите, что такие женщины есть?

ГЛЕБ. Черт его знает! Хочется верить.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ума не приложу где я вам сейчас такую достану. Даже за большие деньги.

ГЛЕБ. А кстати, я разговаривал тут у вас с этой... как ее... Женя, что ли.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Да, есть тут у нас такая. Но мне кажется, она вам никак не подходит.

ГЛЕБ. А мне кажется наоборот. После столь долгого общения с этой гламурной пустышкой, которая мне пол мозга розовой пудрой засыпала, вторая, с трудом выжившая половина мозга требует свежего глотка воздуха. Кстати, а эта Женя здесь?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Здесь.

ГЛЕБ. Можно ее увидеть?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА *(с некоторым удивлением и равнодушием).* Хм, пожалуйста. То же мне, королева красоты. *(Выходит.)*

ГЛЕБ. А это уж мне судить. Еще покурить, что ли... *(Достает сигарету, выходит из комнаты.)*

Входят Эльвира Павловна и Евгения.

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Женя, послушай. Тут вот какое дело. Глеб Михайлович хочет с тобой еще поговорить.

ЕВГЕНИЯ. И о чем, интересно?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Не знаю.

ЕВГЕНИЯ. У нас тут что, публичный дом?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Женя!

ЕВГЕНИЯ. Что, Эльвира Петровна? Девочек к нему водите, а я на подхвате и за мене, если что не так пошло?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Прекрати!

ЕВГЕНИЯ. Что прекратить, что?! Это вы прекратите из меня шлюху делать!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Я из тебя никакую шлюху не делаю!

ЕВГЕНИЯ. Если бы! Мало того, что по вашей милости я уже третий месяц без денег сижу, так еще и прыгать вокруг вас должна?! Все, хватит, мне это надоело!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Значит, не выполнишь мою просьбу?

ЕВГЕНИЯ. Не выполню. И что вы мне за это сделаете, уволите?

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. А хоть бы и так!

ЕВГЕНИЯ. Ну и пусть! Лучше быть свободной, чем сексуальной рабыней, да еще и задаром!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ладно, хочешь увольняться — увольняйся! Мне надоели твои выверты.

ЕВГЕНИЯ. А мне — ваши!

ЭЛЬВИРА ПАВЛОВНА. Ну, тогда завтра можешь не выходить. Ты уволена! *(В сердцах быстро уходит из комнаты.)*

ЕВГЕНИЯ *(с иронией в голосе).* Боже мой, какая трагедия!

Во время реплики Евгении в комнату входит Глеб и слышит ее слова.

ГЛЕБ. Чего это у вас тут за трагедия? Что-то случилось? Я могу помочь?

ЕВГЕНИЯ. Вряд ли. Я увольняюсь. Это единственная радость, которую я могу получить от этой дыры. Раз зарплату она мне все равно не платит, то зачем мне сюда каждый день ходить, а?

ГЛЕБ. Ну, хотя бы ради меня...

ЕВГЕНИЯ. Я так и думала! Мне только проституткой не доводилось работать, а так уже всё в жизни было. *(Намеревается уйти.)*

ГЛЕБ. Женя, прошу вас, не уходите, подождите буквально одну минутку.

ЕВГЕНИЯ. И зачем же?

ГЛЕБ. Сколько она вам должна?

ЕВГЕНИЯ. Приблизительно сто тысяч.

ГЛЕБ. Неплохая у вас тут зарплата.

ЕВГЕНИЯ. Это за три месяца с лишним.

ГЛЕБ. Ааа, ясно. Вот что. Посидите тут, я сейчас всё улажу. *(Выходит из комнаты, тут же открывает дверь и заглядывает обратно.)* Обещайте, что подождете меня здесь и никуда не уйдете.

ЕВГЕНИЯ. Что б я сдохла! Или как у вас там говорят: «Век воли не видать».

ГЛЕБ. Ну и отлично. *(Уходит.)*

ЕВГЕНИЯ *(оставшись одна).* Все начальники думают, что закручивают гайки, а на самом деле — они сжимают пружину. Моя личная пружина не выдержала. Кончилось мое терпение. *(Некоторое время сидит молча.)* Нет, этот Глеб вроде бы ничего. Интересно, а зачем я ему понадобилась? *(Достает из сумочки газовый баллончик и держит его в руке.)* Ничего, если будет ко мне лезть — я ему устрою этим газовым баллончиком веселую жизнь. Хвала дяде Федору. Интересно, а почему баллончик с газом так зовут — дядя Федор?

Глеб возвращается и слышит последние слова Евгении.

ГЛЕБ. А дядя Федор это кто? Ваш родственник?

ЕВГЕНИЯ *(убирая руку с газовым баллончиком за спину).* Да так, один знакомый.

ГЛЕБ. Могу вас поздравить — я все уладил.

ЕВГЕНИЯ. Вам что, удалось ее уговорить меня не увольнять? По-моему, она не из тех, кого можно уговорить.

ГЛЕБ. А я смог. Что касается денег, то я сам вам заплачу.

ЕВГЕНИЯ. За ночь?

ГЛЕБ. За остаток рабочего дня. Вы сколько еще должны сегодня работать?

ЕВГЕНИЯ *(глядя на часы).* Еще час.

ГЛЕБ. Хорошо. Я согласен заплатить весь ее долг за этот оставшийся час.

ЕВГЕНИЯ. Если бы я была проститутка, то умерла бы от счастья.

ГЛЕБ. Я тоже хотел бы быть счастливым. А ты?

ЕВГЕНИЯ *(убирая газовый баллончик в сумочку).* А кто ж этого не хочет? Правда, я смотрю на жизнь реально. Поэтому не строю никаких иллюзий на счет будущего. Да и тени прошлого крепко держат.

ГЛЕБ. А не надо жить прошлым, иначе оно выключает твои глаза, и они ничего не увидят.

ЕВГЕНИЯ. Я и без этого ничего не вижу. По крайней мере, ничего хорошего.

ГЛЕБ. Что, жизнь сдала плохие карты?

ЕВГЕНИЯ. Вроде того.

ГЛЕБ. Тогда играй в шахматы!

ЕВГЕНИЯ. Я не умею.

ГЛЕБ. А я тебя научу.

ЕВГЕНИЯ. Ладно, давайте не будем об этом. Я лучше пойду.

ГЛЕБ. Подожди, наш конструктивный диалог еще не закончен.

ЕВГЕНИЯ. А, бросьте вы, в самом деле! Подлинное искусство конструктивного диалога заключается в том, чтобы собеседник самостоятельно принял решение отправиться куда подальше.

ГЛЕБ. Но я же еще не заплатил тебе!

ЕВГЕНИЯ. И за что вы собираетесь мне заплатить, интересно?

ГЛЕБ. Просто за то, что ты останешься и этот час со мной поговоришь. Поговоришь и все. Чем это похоже на проституцию, а? Или простой разговор с человеком за сто тысяч рублей за один час — это унижение человеческого достоинства? От вас что, убудет, да?

ЕВГЕНИЯ (*говоря быстро и возмущенным голосом*). Определитесь, наконец — на «вы» меня будете называть или на «ты»! Сколько можно метаться туда-сюда?! Тоже мне нерешительная барышня! Вы же не я! Это я говорю «не люблю», хотя до сих не могу выкинуть эту сволочь из головы... Это я говорю «ненавижу» только для того, чтобы самой поверить в это... Говорю «никогда», хотя знаю наверняка, что это случится опять и опять меня раздавит... Вот мечтаю о чем-то несбыточном, мечтаю, мечтаю, и ведь знаю, что это никогда не случится! Никогда! Вы понимаете — ни-ког-да!

Все время, пока Евгения говорит, Глеб, не отрываясь, смотрит на часы.

(Замечает, что Глеб не отрывается от часов). Ну что, что там еще?!

ГЛЕБ. Я просто считаю, с какой максимальной скоростью вы можете говорить.

ЕВГЕНИЯ (*успокаиваясь*). Ну и с какой же? Простите за бабские вопли и причитания. Что-то нервы расшалились.

ГЛЕБ. Ничего, я все понимаю. Кстати, у нас с тобой получилось около шестидесяти слов в минуту. Так. Один час это шестьдесят минут. Помножим шестьдесят минут на шестьдесят слов. Получается три тысячи шестьсот слов. Это около тридцати рублей в секунду. Неплохая плата за простой разговор, скажи? Ну, так что вы решили? Слушай, предлагаю окончательно перейти на «ты», мне так проще. А тебе?

Евгения колеблется.

ГЛЕБ. Ну что ж, отсутствие решительного отказа — уже хорошо. (*Достает из кармана листок бумаги.*) Я тут пока бегал туда-сюда стишок присочинил, можно прочитаю?

ЕВГЕНИЯ. Ладно, валяйте.

ГЛЕБ (*читает*).

Не надо быть свергением,

Чтобы найти ответ.

Есть лишь одна Евгения —

Другой подобной нет!

ЕВГЕНИЯ. Да вы поэт, батенька, как я посмотрю.

ГЛЕБ (*убирая листок со стихом в карман*). Да так, балуюсь иногда. Впрочем, поэзией это назвать нельзя.

ЕВГЕНИЯ. А что можно?

ГЛЕБ. То, что написали Фет, Баратынский, Тютчев.

ЕВГЕНИЯ (*удивленно*). Вы что ж, их читали?

ГЛЕБ. И переводил. На русский. У Тютчева есть одно стихотворение на французском языке. Там есть место, оно мне очень нравится.

ЕВГЕНИЯ. Я, к сожалению, французского не знаю.

ГЛЕБ. А я вам на русском прочту. В своем скромном переводе.

«Как мелок человек, как мало он реален,

Как быстро исчезает он с земли.

Как жалок он вблизи, как путь его печален.

Отсутствие его — лишь звездочка вдали».

Вот как-то так. Горькие слова. Но правдивые.

Евгения удивленно смотрит на Глеба, не в силах ничего сказать.

Что, не ожидали такого он современного нувориша? Вижу, что не ожидали. Ну, так что, Жень, может, поговорим? Прямо здесь. Ты как насчет просто поговорить?

ЕВГЕНИЯ. Значит, кабак как вариант места для душевной беседы исключается? А еще можно домой позвать.

ГЛЕБ. А ты что, согласишься?

ЕВГЕНИЯ. Такие, как ты, наверняка думают, что соглашусь. Мол, ни рожей не кожей не вышла, а тут такой шанс, а потому — на шею быстренько бросайся и держись изо всех сил. Но, увы, тут ошибочка вышла.

ГЛЕБ. Знаешь, не надо говорить за меня. Я ничего такого тебе не предлагал. И видит Бог — не собирался. Веришь?

ЕВГЕНИЯ. Не очень.

ГЛЕБ. Ладно, надеюсь, у тебя будет время убедиться, что из всех негодяев — я самый приличный. И вот что: пора мне вернуться в свой прежний вид. (*Достает из шкафа свою одежду.*) Это ничего, что я тут переоденусь?

ЕВГЕНИЯ. По мне хоть застрелись. (*Отворачивается в сторону.*)

ГЛЕБ (*начинает переодеваться*). Не волнуйся, я не стану нападать на тебя сзади и принуждать к сексу. Знаешь, я много поганого в жизни людям сделал, но в данном случае я не виноват, что ты уволилась, и что твоя начальница задолжала тебе кучу денег. Кстати, ты еще не забыла про мое предложение — поговорить? И учти — оплата за эту простую услугу остается в силе.

ЕВГЕНИЯ (*иронично*). Мне, что, прямо сейчас начинать тараторить? Или подождать, пока ты кончишь заниматься стриптизом?

ГЛЕБ. Тут путаница в терминах. Стриптиз — это когда другие на тебя смотрят и ловят от этого кайф, тут так не получится.

ЕВГЕНИЯ. Вижу, ты в этих делах опытный.

ГЛЕБ. И не в этих тоже. (*Заканчивает одевать свою прежнюю одежду, подсаживается к Евгении.*) Ты что, тоже считаешь, что все мужики — скоты.

ЕВГЕНИЯ. Нет, я вовсе не считаю, что все мужики — скоты, потому что в таком случае придется признать, что мы, барышни, леди и бабы все как одна — зоофилки. Но это ведь не так.

ГЛЕБ. Хочешь, я скажу, о чем я на самом деле мечтаю.

ЕВГЕНИЯ. Ну, скажи.

ГЛЕБ. Я мечтаю о том, что если бы мне встретилась девушка, не вообще девушка, их у меня было полно, а вот такая, настоящая, с глазами как у тебя... *(Берет руки Евгении в свои.)*

ЕВГЕНИЯ. Ну и что бы ты сделал? *(Вынимает свои руки из рук Глеба.)*

ГЛЕБ. Подожди, дай мне почувствовать твоё тепло. Мне так будет легче говорить.

ЕВГЕНИЯ. Ладно, держи, если хочешь. *(Протягивает руки к Глебу.)*

ГЛЕБ *(снова беря руки Евгении в свои).* Жизнь непредсказуемая штука. Ещё сегодня утром у меня была одна мечта — найти себе барышню для отдыха. Просто для отдыха и всё. А сейчас я хочу, чтобы рядом со мной была ты, вот такая, какая ты есть... Потому что, ты не поверишь — я в тебя влюбился. Вот прямо сегодня, здесь, сейчас. Правда. А как ты ко мне относишься?

ЕВГЕНИЯ. Не стану я отвечать. Да и зачем тебе? Разочаруешься, будешь укорять и раздражаться. Поэтому я ничего тебе не скажу. И будет тебе счастье. *(Вынимает свои руки из рук Глеба.)* Ладно, фантастика и романтика закончились, пора жить реальной жизнью. Жаль, конечно, что никогда уже не будет такой удивительно вкусной булочки с повидлом, покрытой сахарной пудрой, как это было в детстве. Вместо этого будет чье-то тело в ночи рядом с тобой, но это ничего, даже с этим можно смириться.

ГЛЕБ. Не понимаю, почему это плохо.

ЕВГЕНИЯ. Да почему же плохо? Не плохо совсем. Плохо то, что этот человек тоже уйдет. А ты будешь бросать ему в ответ: «Больно нужен!», а на самом деле и больно, и нужен... Домой мне пора, вот что. Да нет, ты не переживай — это никакая не трагедия. Буду жить, как и всегда жила, дружить со своим котом, а еще со скрепочкой в Ворде. Мы с ней очень даже хорошо общаемся.

ГЛЕБ. У тебя есть кот?

ЕВГЕНИЯ. Есть. Приду сейчас домой, кот станет тереться о ноги и просить колбасы. Но колбасы нет, и кот уйдет. Коты ведь не нас любят, а наши холодильники. Правда, у меня где-то были кильки в томате и хлеб времен татар и покоренья Крыма. Сяду на кухне, обезглавлю вилкой кильки и буду думать, как нам с котом жить дальше.

ГЛЕБ. Ну и как же ты будешь жить дальше?

ЕВГЕНИЯ. А кто его знает... Думаю, мне скоро захочется перестать быть тошнотворно правильной и ходячей добродетелью. И я, наверное, напьюсь. А что, это идея. Напьюсь в первый и, наверное, в последний раз в жизни. В одиночку и до чертиков. Напрочь разрушив миф о себе как о тургеневской барышне. А ты... *(Замолкает.)*

ГЛЕБ. Что я?

ЕВГЕНИЯ. Ну, что... Найди кого-нибудь. И любите друг друга. Пока живы. Это ведь очень недолго и вам не успеет надоест... Нет, хочется, конечно, как в детстве сесть кому-нибудь на колени, обнять, уткнуться носом в чью-то щеку, зареветь и на всех нажаловаться... Жизнь ведь имеет смысл только тогда, когда чьей-то щеке нужен твой нос... *(Смахивает ладонью слезинку.)* Все, праздничный концерт по заявкам слушателей закончен. Занавес, продолжение НЕ следует... Пойду-ка... я на фиг... если не сказать грубее... *(Замолкает.)*

ГЛЕБ. А что мне со всем этим делать?

ЕВГЕНИЯ. Ну, что... Жить как и жил. Снимать фигуристых пустоголовых девок, тратить на них в меру. И без меры от них за это получать все, что можно получить от молодого здорового тела.

ГЛЕБ. Так, мое будущее в серых тонах ты обрисовала. А свое собственное можешь? И каким тоном?

ЕВГЕНИЯ. А что, не исключено, что я влюблюсь еще когда-нибудь. Потом.

ГЛЕБ. «Потом» обычно значит «никогда».

ЕВГЕНИЯ. Эх, хорошо бы и вправду никогда больше не влюбляться! Но это, увы, не от нас зависит.

Глеб смотрит на Евгению с тревогой.

Странный у тебя взгляд. «Так души смотрят с высоты на ими брошенное тело...»

ГЛЕБ. Ни за что не поверю, что ты не хочешь, чтобы кто-то брал тебя на руки, если пред тобой непроходимая лужа, чтобы этот кто-то... ну, не знаю, что-то еще особенное для тебя делал... Не верю, что тебе этого не хочется.

ЕВГЕНИЯ. Верю, не верю. Ты прямо как Станиславский. Нет, хочется, конечно, но мечты и реальность в моей жизни вряд ли совпадут.

ГЛЕБ *(вскакивая).* Черт, что же мне делать?! *(Бросается к двери, потом возвращается, начинает в волнении ходить взад и вперед по комнате, затем внезапно останавливается.)* Слушай, побудь тут немного, я скоро вернусь. Никуда не уходи до моего прихода, ладно?

ЕВГЕНИЯ. Ладно, не уйду.

ГЛЕБ. Дай честное слово, что не уйдешь.

ЕВГЕНИЯ. Честнее не бывает.

ГЛЕБ. Нет, ты мне точно обещай, что не уйдешь никуда до моего прихода.

ЕВГЕНИЯ. Обещаю.

ГЛЕБ. Ладно, можешь не обещать. Просто дождись и все. Я быстро обернусь. *(Решительно направляется к двери, оборачивается в дверном проеме.)* Сиди здесь и жди меня. Я скоро вернусь. *(Быстро уходит.)*

ЕВГЕНИЯ *(оставшись одна).* Жди меня и I'll be back. Даа, вот и верь после этого людям. Обещал деньги, а сам смылся. Впрочем, чему тут удивляться? Чего только мне в жизни не обещали... время сейчас такое — кидаловское... Все только и делают что врут друг другу. Даже спам врет, что он не спам. Ладно, пора отсюда сваливать. *(Встает и собирается уходить.)*

Входит Вика.

ВИКА. А где наша Эльвира?

ЕВГЕНИЯ. А черт ее знает! Меня это больше не колышит — я уволилась.

ВИКА. Ну, да?! Слушай, а если ты уволилась, то чего тут торчишь?

ЕВГЕНИЯ. А ты сама-то чего тут?

ВИКА. Да телефон где-то здесь оставила. *(Ищет телефон, находит, убирает в сумочку.)* Кстати, а где этот, ненормальный, в женской одежде?

ЕВГЕНИЯ. Да он вообще-то нормальный.

ВИКА *(намереваясь уйти).* Ну, что, подруга, сваливаем вместе?

ЕВГЕНИЯ. Ну... я даже не знаю...

ВИКА. Так ты уволилась или нет?

ЕВГЕНИЯ. Уволилась.

ВИКА. Тогда чего тут тебе делать? Пойдем.

ЕВГЕНИЯ. Вообще-то я ему обещала подождать.

ВИКА. Этому?

ЕВГЕНИЯ. Ну, да.

ВИКА. Подумаешь, обещала.

ЕВГЕНИЯ. Я ему слово дала.

ВИКА. Кстати, это ведь твое слово: хочешь — даешь, хочешь — забираешь обратно.

ЕВГЕНИЯ. Нет, я подожду. *(Садится обратно на стул.)* Беда не в том, что нет смысла жизни, а в том, что мы не можем его найти...

ВИКА. Смысл жизни, смысл жизни... Чем больше об этом думаешь, тем меньше причин жить. Я одно знаю: жизнь — это что-то большее, чем тупые поиски «второй половинки» по Сети и пафосное нытьё об их безуспешности. Думаешь, тебе помогут все эти сотни друзей из ВКонтакте? Нужна ты им! В этом мире очень мало тех, кто тебя искренне любит.

ЕВГЕНИЯ. И обычно они уходят первыми.

ВИКА. Ну и что? Вот я знать не знаю, что у нас с Ромкой будет завтра... Мое дело — быть с ним счастливой сегодня! Сегодня в сто раз важнее, чем это твое завтра и в миллион важнее, чем вчера. Влюбилась бы ты, что ли, в кого?

ЕВГЕНИЯ. Зачем?

ВИКА. Ну, как это — зачем? Что может быть приятнее нежного почелюя в носик от любимого и любящего тебя человека...

ЕВГЕНИЯ. Рада бы, да боюсь втюхаться по новой.

ВИКА. Да перестань ты бояться — тебе все равно терять нечего... И вообще: ожидание праздника в сто раз лучше его последствий. Ну, ладно, жди своего прынца, а я поскакала, меня Ромка ждет. *(Идет к двери, напевая.)* Нас утро встречает рассолом! Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля... Пока! *(Уходит окончательно.)*

ЕВГЕНИЯ. Пока. Ну и почему я такая обязательная, а?.. Когда это у меня кончится — быть душой? Господи...

Вбегает запыхавшийся Глеб.

ГЛЕБ *(тяжело дыша).* Фу, слава небесам, ты еще здесь. Уф...

ЕВГЕНИЯ. Дура, наверное. Все чего-то жду, жду... сама не знаю — чего...

ГЛЕБ. Выходит, что я тоже дурак. Потому что тоже все чего-то жду, жду... *(Вынимает деньги и кладет их на стол.)* Это твое обещанное вознаграждение. Еле нашел банкомат.

ЕВГЕНИЯ *(забирая деньги).* Спасибо большое, я и не думала... *(Удивленно.)* Слушай, да тут...

ГЛЕБ. Ладно, ладно, не будем о прозе. Считай, что это вместе с премиальными за те лишние полчаса, что ты тут ждала. А теперь вот о чем. Я назначаю тебя исполнительным директором моего агентства знакомств.

ЕВГЕНИЯ *(убирая деньги в сумочку).* Ты решил открыть агентство знакомств?

ГЛЕБ. Да, прямо здесь.

ЕВГЕНИЯ. Подожди, а Эльвира Павловна как же?

ГЛЕБ. Она мне все это продала.

ЕВГЕНИЯ. Когда?

ГЛЕБ. Сегодня.

ЕВГЕНИЯ. Но это ведь было ее детище. Что-то мне не верится, что она так просто взяла и продала его. Даже за большие деньги.

ГЛЕБ. То, что нельзя купить за большие деньги, можно купить за очень большие. Надо только тут привести лоск. Сайт тоже переделаю кардинально, а то он у вас просто отстой. И ты мне в этом поможешь.

ЕВГЕНИЯ. Я?

ГЛЕБ. Ну, я же сказал тебе, что назначаю тебя исполнительным директором. Оклад пять штук басов в месяц. Ты как?

ЕВГЕНИЯ. Похоже, что ты решил швыряться деньгами.

ГЛЕБ. Нет. Я не швыряюсь деньгами, когда речь идет о бизнесе. Пять штук ты будешь получать первые три месяца. Если клиенты не прибавятся, и оборота не будет — следующие три месяца ты будешь получать по три штуки баксов ежемесячно. Если еще через квартал не будет проку — тогда штуку баксов в месяц. Ничто так не стимулирует работу как снижение зарплаты за ее плохое качество.

ЕВГЕНИЯ. А если и через девять месяцев золотой теленок не родится? Что, уволишь?

ГЛЕБ. Нет.

ЕВГЕНИЯ. Что так? Это же бизнес. Или что, заставишь меня работать даром?

ГЛЕБ. Я просто знаю, что до этого не дойдет. Ладно, хватит о бренном, пора перейти к главному.

ЕВГЕНИЯ. Что, еще и главное есть?

ГЛЕБ (*доставая из кармана небольшую красивую коробочку и отдавая ее Евгении*). Вот, это тебе.

ЕВГЕНИЯ (*принимая коробочку*). Что это?

ГЛЕБ. А ты открой.

ЕВГЕНИЯ (*открывая коробочку*). Ой, что это?!

ГЛЕБ. Маленькое сокровище.

ЕВГЕНИЯ. Да уж, это точно. А для кого оно?

ГЛЕБ. Угадай с трех раз.

ЕВГЕНИЯ. Нет, я ничего не понимаю в этих делах. (*Закрывает коробочку и ставит ее на стол поближе к Глебу.*)

ГЛЕБ. Забери. Я же сказал, что это тебе.

ЕВГЕНИЯ (*искренне удивившись*). Мне? Такое дорогое кольцо? С какой это стати?

ГЛЕБ. Об этом я и хочу поговорить.

ЕВГЕНИЯ. О чем?

ГЛЕБ. О нас с тобой. О том, как нам жить дальше и...

ЕВГЕНИЯ (*перебивая Глеба*). Разве ты не разочаровался в женщинах?

ГЛЕБ. Подожди, пожалуйста, не перебивай. Ты, конечно, права, я и вправду разочаровался в вашей сестре. Но даже тот, кто окончательно разочаровался в женщинах, хочет попробовать еще раз. Хочу попробовать и я. И не с кем-нибудь, а с тобой.

ЕВГЕНИЯ. Ты очень странный... и... (*Замолкает.*)

ГЛЕБ. И очень хороший.

Евгения молчит.

И ты не знаешь, что со мной делать.

ЕВГЕНИЯ. Не знаю.

ГЛЕБ. А вот я знаю, что хочу делать. Я хочу... быть для тебя важнее всех остальных...

ЕВГЕНИЯ. Не представляю, что тебе и ответить.

ГЛЕБ. Ты перестала верить в волшебные сказки?

ЕВГЕНИЯ. Давно уже. Когда мне было лет тринадцать или около того, я думала, что лет через десять я буду совсем другая. Взрослая, серьезная. С мужем там, с детьми... Из всего этого сбылось только одно — я взрослая. Забавные они, эти взрослые люди с наивной детской душой, которая все еще о чем-то мечтает...

ГЛЕБ. А вдруг перед тобой тот самый рыцарь, которого давно ждет спящая принцесса?

ЕВГЕНИЯ. Всех рыцарей уже давно разобрали.

ГЛЕБ. Один все-таки остался. И он предлагает тебе защиту.

ЕВГЕНИЯ. От чего и от кого? От мира? А кто защитит меня от себя самой?

ГЛЕБ. Я не хочу тебя потерять. Ты первая, кому я это говорю. Если бы не ты — во мне так бы и не проснулся я, тот, прежний я, который когда-то был.

ЕВГЕНИЯ. Господи, какая я все-таки романтическая дура!

ГЛЕБ. Не расстраивайся: перед тобой такой же романтический дурак. И я... *(Замолкает.)*

ЕВГЕНИЯ. Ну, что ты?

ГЛЕБ. Если я тебе это скажу, то боюсь, что произойдет что-то... непоправимое может быть...

ЕВГЕНИЯ. Я ко всему готова, так что будь что будет...

ГЛЕБ *(становится на колени перед Евгенией, кладет скрещенные руки ей на колени, голову на руки, смотрит в сторону).*

«Я хочу быть зубасто-лохматым
Сенбернардом по кличке Гарсон,
Чтоб подобно гвардейцам-солдатам
Охранять твой божественный сон.
Чтоб не знала ты больше тревоги
Я б тебя не оставил одну —
Век лежал на твоём бы пороге,
Чутко вслушиваясь в тишину».

ЕВГЕНИЯ. Только не ври, что сам сочинил.

ГЛЕБ. Сам.

ЕВГЕНИЯ. Да врешь ты всё!

ГЛЕБ. Обычно вру, но не сейчас.

ЕВГЕНИЯ *(дотронувшись до волос Глеба).* У тебя волосы начали седеть... *(Замолкает.)* Ты хотел мне что-то сказать.

ГЛЕБ *(поднимая голову и глядя на Евгению).* Я...

ЕВГЕНИЯ *(с едва уловимой нежностью).* Ну, что ты, что?

ГЛЕБ *(поворачивает лицо от Евгении в сторону).* Болен я, вот что.

ЕВГЕНИЯ *(взволнованно-испуганным голосом).* Господи! Нет, ты уж смотри на меня. *(Берет Глеба руками за голову и поворачивает его лицо к себе.)* Говори все, как есть — я сильная. Ну, говори же, с ума можно с тобой сойти! Чем ты болен, чем?!

Глеб что-то шепчет, не смея глядеть прямо в глаза Евгении.

Я ничего не слышу, говори громче!

Глеб замолкает.

Ну что же ты молчишь?! Ну, не молчи!!

ГЛЕБ. Я старый уже. *(Вздыхает.)*

ЕВГЕНИЯ *(удивленно).* Ты — старый?! Да какой же ты старый?!

ГЛЕБ. Я про то, что внутри. Жизнь — это единственное ценное, что у меня есть. И это ценное уходит ни на что. Но даже не это сейчас главное, а главное то, что я... я тебе уже сказал... что болен... болен неизлечимой болезнью...

ЕВГЕНИЯ. Боже праведный!! Назови мне эту болезнь... Хотя бы шёпотом, я никому не скажу, мы что-нибудь придумаем, я пойду на панель, я продам всё, квартиру, жизнь свою заложу, но вылечу тебя! *(Почти силой поднимает и поворачивает лицо Глеба к своему.)* Ну, не томи ты меня!!

ГЛЕБ. Я болен... тобой... я безответно... тебя люблю... я хочу, чтобы ты стала мне женой... навсегда... глупый дурак! Черт бы меня подрал, зачем я все это сказал?!

ЕВГЕНИЯ. Боже мой, боже мой, господь праведный, какой же ты и вправду глупый дурак! *(Обвивает голову Глеба руками и крепко к ней прижимается.)* Господи, какое счастье - эта твоя болезнь... и моя... и моя... тоже...

Глеб обнимает Евгению.

ГЛЕБ. Мне так трудно, так тяжело было все это время, так трудно было сказать тебе это...

ЕВГЕНИЯ. А теперь тебе легче?

ГЛЕБ. Легче... да... легче стало...

Евгения отстраняется от Глеба, снова берет его за голову и поворачивает лицом к себе, смотря прямо ему в глаза.

ЕВГЕНИЯ. Ты, наверное, думаешь, что поскольку я с виду жаба, то поэтому холодная внутри, да? Ты думаешь, что я кусок льда или айсберг... но я не такая, нет... поверь мне — я вовсе не такая...

ГЛЕБ. Я верю.

ЕВГЕНИЯ *(закрывая Глебу рот рукой).* Подожди, не перебивай, а то у меня не хватит духу это все тебе сказать. Нет, я, конечно, понимаю, что я совсем, совсем не такая прекрасная, как... ну, как все эти девушки вокруг. И не такая удивительная, как... ну, хотя бы Айседора Дункан и этот ее шарф, что ее задушил... хотя нет, нет, я именно Айседора Дункан, а ее шарф — это моя жизнь, что душила меня до этой минуты...

ГЛЕБ. Я не проживу без тебя и часа. *(Вытирает глаза тылом ладони.)* И часа. Зачем мне все мною нажитое без тебя, зачем? Ну что я, кто? Ну, сыт, ухожен, тружусь как вол, несколько машин, денег полно, а... жизни нет... Понимаешь, нет жизни! Когда все закончится, что унесу с собой? Квартиры, дом, шикарную мебель, пачки денег? Я только и делал, что выживал и лгал, крутился и накапливал, все было загублено во мне, что было хорошего... все пошло прахом... Господи...

ЕВГЕНИЯ. Я понимаю, я понимаю... Я, к сожалению, не смогу спасти тебя, если ты начнешь тонуть. Не потому, что я злая, а потому, что просто не умею плавать. Зато я смогу собирать с тобой летом на берегу какой-нибудь реки красивые округлые камешки с узорчиками.

ГЛЕБ (*почти умоляющим голосом*). А еще, еще что ты сможешь?

ЕВГЕНИЯ. А еще я смогу целовать тебя в макушку и...

ГЛЕБ. И?

ЕВГЕНИЯ. И если нам будет суждено быть вместе, то я научусь готовить тебе завтраки, обеды и ужины и буду встречать вечерами с работы. А еще я буду смеяться с тобой в кино и смотреть с тобой футбол, хоккей и бокс.

ГЛЕБ. Знаешь, когда я в первый раз тебя увидел...

ЕВГЕНИЯ. То о чем подумал?

ГЛЕБ. Знаешь, ни о чем таком даже близко.

ЕВГЕНИЯ. А сейчас?

ГЛЕБ. Сейчас... Сейчас я думаю о том, что наши с тобой зубные щетки будут стоять в одном стаканчике. И что мальчика мы назовём Саша, а девочку Оля...

ЕВГЕНИЯ. Саша... Оля... (*Утыкается лицом в лицо Глеба.*) Господи, как хорошо, как замечательно когда твоей щеке нужен мой нос... Как же это хорошо...

ГЛЕБ. Очень нужен. Очень. И ты вся, вся без остатка очень мне нужна...

Они оба замирают в таком положении, не в силах более пошевелиться.

Конец.